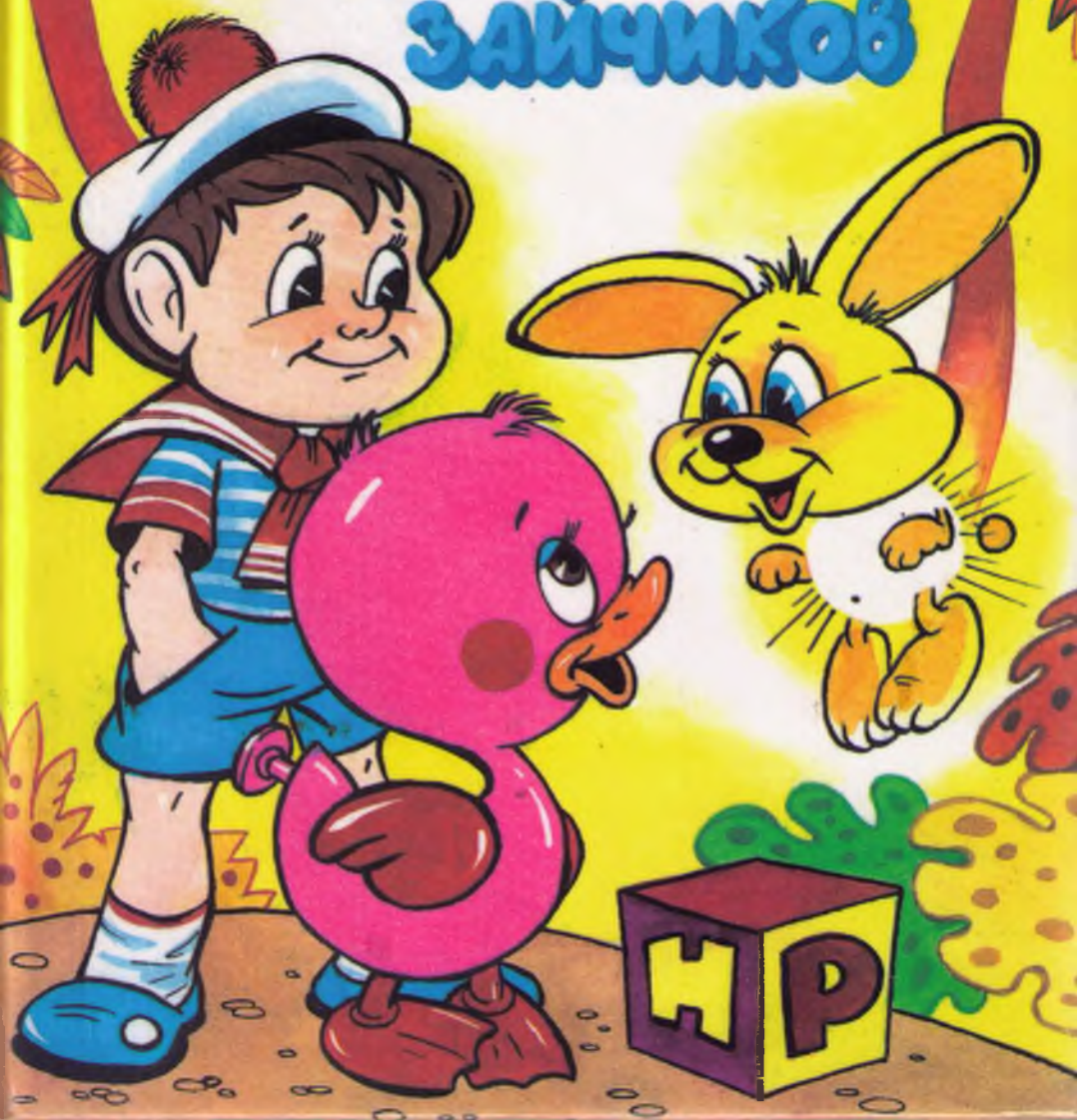

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Валерий Медведев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЛНЕЧНЫХ ЗАЙЧИКОВ

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

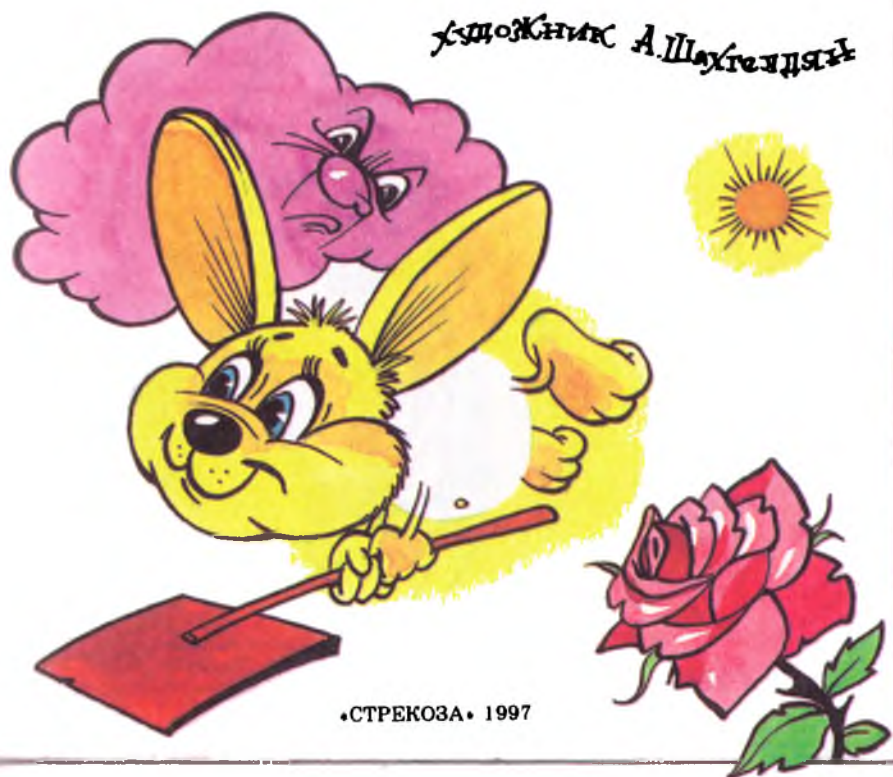

Валерий Медведев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СОЛНЕЧНЫХ
ЗАЙЧИКОВ

художник А. Шахтёр

«СТРЕКОЗА» 1997

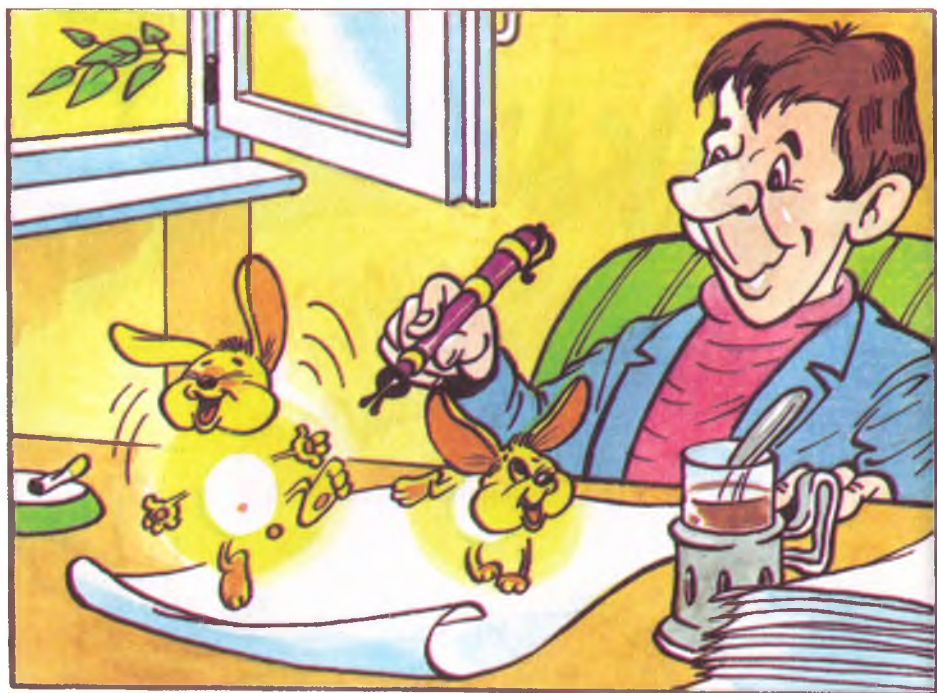
ISBN 5-89537-023-3

© В. Медведев, наследники, 1997
© Илл. А. Шахгелдян, 1997
© Издательство «Стрелкова», 1997

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЛНЕЧНЫХ ЗАЙЧИКОВ

ПРЫГ-СКОК

Прыг-прыг!

Скок-скок!

Кому из вас, ребята, не приходилось играть с солнечными зайчиками!

Когда я был маленький, вроде вас, я тоже любил в хорошую погоду из маминого зеркала пускать солнечных зайчиков.

Прыг-прыг!

Скок-скок!

С пола на потолок, с потолка на пол, в самый темный угол, под кровать, на стену соседнего дома — скачет зайчик пушистым солнечным пятнышком...

Прыг-прыг!

Скок-скок!

В солнечный день этими зайчатами бывает обычно весь город полон, просто кишмя кишит. Целыми стаями носятся они по улицам, плещутся в лужах, прыгают по деревьям с листа на листок, кувyrкаются друг через дружку, не разберешь, если не приглядишься, где у кого хвост, где уши — сплошное солнце!

Однажды таким вот солнечным утром я сел за письменный стол и подумал: «А почему бы мне не написать что-нибудь интересное о солнечных зайчиках. Ведь у них такая светлая и теплая жизнь и, наверное, полно всяких приключений».

Я взял ручку и написал на листе чистой бумаги: «Приключения сол-

нечных зайчиков». Написал и стал думать о том, какие у них могут быть приключения...

Как раз в это время на стол спрыгнули с дерева два солнечных зайчика и запрыгали по листу под словами «Приключения солнечных зайчиков». Вот, подумал я, не надо ничего и придумывать, эти зайчата сами мне и расскажут что-нибудь интересное. Мы познакомились. Одного из зайчат звали Зай, а другого Чишка. А историй у них оказалось столько, что они тут же, перебивая друг друга на каждом слове, стали рассказывать мне. Я их слушал, но понять ничего не мог.

— Постойте, зайчата, — остановил я солнечных зайчиков. — По-моему, не только я не могу ничего понять из вашего рассказа, но и вы сами тоже.

И действительно, сначала зайцы не могли сами разобраться в том, что они мне начали рассказывать, а потом выяснилось, что, перебивая друг друга, они мне начали рассказывать

вместе две совершенно разные истории. Потом они немного пошептались и снова начали рассказывать вместе одну и ту же историю, нисколько при этом не мешая друг другу. И вот первая из этих историй, которую я собственноручно записал со слов Зая и Чишки...

Итак, приготовились!..

Начали!

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Чишка и Зай читают сводку погоды
и отправляются на розыски Ветра*

— С днем рождения, братец Зай!

— С днем рождения, братец Чишка!

С этими словами солнечные зайчики Чишка и Зай выскочили из большого зеркала, висевшего на улице возле входа в парикмахерскую, едва лишь первый луч солнца коснулся зеркальной поверхности и высек из ее стеклянного ребрышка маленькую игрушечную радугу.

Был ранний час весеннего мартовского утра. Градусник показывал минус пять. Все лужи на улицах были аккуратно запечатаны тонким игольчатым льдом.

Который день так: утром Чишка и Зай распечатают все лужи, а зима возьмет ночью и назло им снова все запечатает.

Запечатать-то запечатает, только нет уже в зиме той свирепой январской силы, когда она не только лужи — реки и те насквозь промораживала.

А теперь у зимы не хватает силенок, чтобы по-настоящему и лужи застеклить. Лед все тончает и тончает, и работа никудышная.

— Халтура! — сказал Чишка, пробивая легко ногой тонкую корочку льда.

— Фу, Чишка, как ты выражаешься. Я же тебя учил, как нужно говорить...

— Как нужно — я забыл, а как не нужно — помню.

— Эх ты! Нужно говорить: «Под кем лед трещит, а под нами ломит-

ся!» — Зай топнул ногой — лед раскололся. — Зима! Зима! Ночью пироги пекла, а корочка тонкая!..

— А корочка тонкая! — подхватил Чишка и так весело стукнул по льду, что провалился в мерзлую воду с головой.

Братец Зай, смеясь, прыгнул следом за Чишкой.

Выскочив сухими из воды, солнечные зайчики отряхнулись и полетели к газете, развешанной на противоположной стороне улицы — поинтересоваться сводкой погоды.

— И когда только мы перестанем с тобой от прогнозов зависеть, а, Зай? — хныкал Чишка, разыскивая в вечерней газете заметку, напечатанную маленькими, словно просеянными сквозь частое ситечко буквами.

— Завтра... — сказал Зай.

— Что? С завтрашнего дня не будем зависеть от прогнозов? Ура!

— Да нет, это я, Чишка, читаю сводку погоды... «Завтра по сведениям Центрального института прогнозов ожидается ветер слабый до умеренного...»

— «Временами снег. Сплошная облачность!..» Сплошная облачность?.. Ха-ха-ха! Зай, значит, ты мне снишься?

— Это почему же?

— Потому что при сплошной облачности мы с тобой прячемся в зеркало или становимся невидимками! А сейчас я тебя отлично вижу. Что это значит?

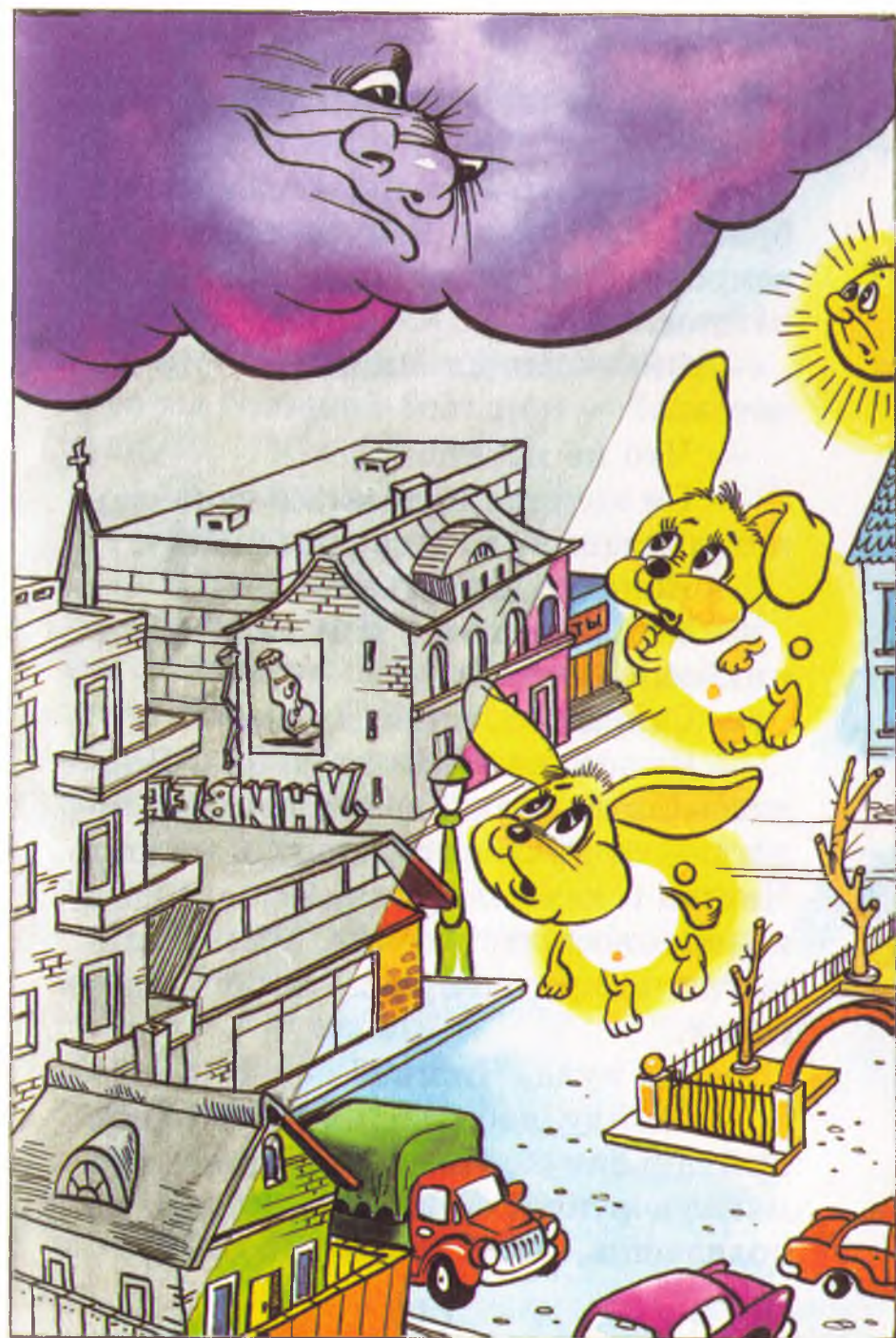
— Это значит, что сводка погоды ошиблась.

— Правильно-неправильно! Точно-неточно! Значит, сегодняшний прогноз для нас ничего не значит. Урра! — закричал Чишка и перевернулся несколько раз в воздухе.

— Рано радуешься, — сказал Зай, взлетая на крышу высокого дома и оглядывая небо.

— Урра! — еще раз крикнул Чишка, не обращая внимания на слова своего брата и устремляясь следом за ним на крышу.

Солнце поднималось все выше и выше, но слева навстречу ему двигалась, грозно нахмурившись, огромная

снеговая туча, расстилая по земле тень.

— Вот тебе и «урра!», — сказал Зай братцу Чишке. — Сейчас ка-ак туча закроет солнце, так мы с тобой и исчезнем.

— Ой! — заныл Чишка. — Не хочется...

— Что не хочется?..

— Не хочется исчезать в день своего рождения, да еще спозаранку.

— Конечно, не хочется.

— Это зима хочет нам наш праздник испортить.

— Старается, проклятущая.

— Ничего не поделаешь, Зай. Придется опять целый день в зеркале сидеть — от тучи прятаться, — сказал Чишка и даже потускнел, так у него испортилось настроение, и даже запрыгал по крыше прочь, так он испугался.

— Ты куда, Чишка?

— Пойду добровольно в зеркало прятаться. — Чишка безнадежно махнул рукой. — Ничего, видно, не поделаешь, Зай.

— Эх ты! А еще солнечный зайчик — тучи испугался.

— Испугался... Ну и что?.. Туча большая-большая, а я маленький-маленький.

— Кто маленький? Ты маленький? Сам-то ты маленький-маленький, а трус ты большой-большой — больше тучи.

— Ну и пусть трус.

— Трусиче!

— Ну и пусть трусиче.

— И сиди себе в зеркале и дрожи там и носа не показывай, а я пойду ветер искать. Я его ка-ак найду, да ка-ак попрошу хорошенечко, он ка-ак возьмет да ка-ак сдует тучу с неба.

— Это в честь чего он будет тучу с неба сдувать?

— В честь дня рождения солнечных зайчиков.

— А вот и не сдует.

— Сдует.

— Не сдует.

— Это почему же не сдует?

— Потому что он сегодня по сводке слабый до умеренного.

— А я его попрошу собраться с силами и стать могучим, буйным... А ты сиди в зеркале и жди у лужи погоды.

И Зай поскакал направо — искать ветер, а Чишка запрыгал в противоположную сторону — пошел добровольно прятаться в зеркало от снеговой тучи.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ

Поиски ветра.

Чишка просит у Зая извинения.

Поиски продолжаются

Найти ветер!

Легко сказать: найти ветер в большом городе, да еще в безветренный день. Конечно, когда он летает по улице, или тормозит деревья, или сдувает с прохожих шляпы, тогда его сразу заметишь, а если он сидит где-нибудь смирно, затаив дыхание, если он отдыхает на крыше или спит, пригревшись на солнышке, разве его разглядишь, когда он совершенно

прозрачный, настоящий ветер-невидимка.

А может, его и вообще в городе нет, может быть, он на дачу улетел или еще дальше.

А если еще дальше, так что же искать. Бесполезно. Это уж, как говорится: ищи ветра в поле...

Взлетев над городом, Зай первым делом осмотрел торчащие в утренней дымке заводские трубы и покачал головой. Дым из труб поднимался спокойно, белыми непотревоженно-круглыми колоннами, возле заводов ветра не было.

Зай опустил в сквер. Прозрачные по-весеннему деревья стояли не шелохнувшись. И здесь ветра не было.

Зай пролетел на соседнюю площадь, потом на стадион. Над стадионным веяли флаги — ветра не было.

Зай в соседний сад — и там ветра нет.

В переулок — и там нет.

На главную улицу — нет.

«Спит где-нибудь на солнышке,

лежебока!» — подумал Зай, прыгая с дерева на дерево.

Тем временем город все больше и больше заполнялся солнечными зайчиками.

Они выскакивали то по одному, то целыми стайками из зеркал самой всевозможной формы и величины. Они взлетали над городом, рассыпаясь над домами солнечным салютом.

Зайцы из веселого племени Снеготаев!

Из отряда Почкогреев и Ручьегонов!

Зайцы Ледоломы!

Зайцы Цветолюбы и Первоцветы!

Отдельной стайкой над городом пронеслась музыкальная команда Каплезвонов.

Стаю возглавлял известный композитор и капельмейстер заяц Кап — виртуоз, исполнитель популярных весенних мелодий на каплефоне — музыкальном инструменте, состоящем из сосуллек.

Зайцы отражались от сверкающих

кровель, от стекол, от никелированных частей автомобилей, они излучались бесконечным потоком из тысяч городских окон, распространяя вокруг себя свет и золотое тепло.

- Здравствуй, Зай!
- С днем рождения, Блик!
- С праздником, Прыг!
- Здравствуй, Скок!
- Будь здоров, Поскок!
- С днем рождения!
- Светить всегда!
- Светить везде!
- С днем рождения!

Звенели голоса солнечных зайцев над городом. Не теряя времени, зайцы тут же принимались за работу. Кто отогревал на деревьях почки, кто топил снег, кто лужи распечатывал. Музыкальная команда настраивала сосульки.

По улицам города уже побежали ручейки, сплетая прозрачные струйки в водяные косички, когда на одном из перекрестков Зай встретился на стене нос к носу с братцем Чишкой.

— А!.. Трусь-трусь-трусь! — сказал Зай ехидно.

— Я не трусь... я — заяц... Зай, давай вместе ветер искать.

— Ты же тучи боишься.

— А я больше не буду бояться! — сказал Чишка, поглядывая с опаской на небо.

Снеговая туча тем временем все ближе и ближе подступала к солнцу. Она кралась как кошка на мягких лапах, изгибая спину, словно готовясь к прыжку.

Зай и Чишка заметно потускнели, словно слиняли. Голоса их стали звучать тише.

— Забыли! Совсем забыли! — крикнул Зай простуженным шепотом. — Мы же с тобой про парк забыли. Это же любимое место отдыха нашего дорогого ветра!

В городском парке Зай и Чишка обнаружили ветер на центральной аллее.

Зай еще издали заметил, что кто-то отчаянно трясет деревья за ветки.

Потом они услышали его голос.

— Да просыпайтесь же! Хватит вам спать! — свистел ветер в дудочку. — Неужели вы за зиму не отоспались, уважаемые кусты сирени. — Ветер любил иногда закручиваться и завиваться в красивые фразы.

— Подуйка Порывыч! Здравствуйте! — крикнул Зай, прыгая вслед за невидимыми порывами ветра. — Прошу вас, остановитесь хоть на минутку, вы рано будите сирень. Ведь на улицах еще снег.

— Да, но мне так хочется благоухать сиренью, или жасмином, или розами! — заныл ветер, снова принимаясь за деревья, словно стараясь вытрясти из них душу.

— Да остановитесь же, ветер!

Деревья перестали трепыхаться.

— А! — сказал, опомнившись, ветер. — Солнечные зайчики! Здравствуйте! Я вас слушаю.

Ветер присел на стоящую под деревьями скамейку и занялся оставленной кем-то на сиденье газетой. Он приподнял ее в воздух и сделал вид, что

читает. Газета сопротивлялась, как живая. Она недовольно шуршала, шумела, трещала.

— Чем могу быть полезен? — спросил ветер солнечных зайчиков.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ветер поздравляет Зая и Чишку с днем рождения и делает им подарок. Зая и Чишка берут с собой ветер на новоселье

— Подуйка Порывыч! — начал Зая. — Вам, конечно, известно, сегодня в первый день весны по календарю мы, солнечные зайчики, празднуем свой день рождения?

— Помню. Не забыл, — соврал ветер, хотя на самом деле день рождения солнечных зайчиков совершенно вылетел у него из головы.

— С сегодняшнего дня мы будем с каждым днем становиться все теплее и теплее, — продолжал Зая.

— Как же! Читал! — сказал Подуй-

ка Порывыч и в подтверждение своих слов пошевелил газетой. — Вот здесь написано... «С сегодняшнего дня все солнечные зайчики приступили к исполнению своих солнечных обязанностей». Ах, пожалуйста! Отогрейте поскорее почки у сирени, или у жасмина, или у розы. Мне так хочется подушиться настоящей свежей сиренью, или жасмином, или розами. Ах, как я люблю быть нежным, душистым, благоухающим. А я в подарок вам сейчас принесу несколько семян клена. Вы их посадите и вырастите деревья. — Ветер сорвался и тут же вернулся обратно, неся в невидимых руках семена клена.

— Спасибо! — сказал Зай. — Но у нас к вам еще небольшая просьба...

— Зай, у нас большая просьба, а ты говоришь «небольшая»... У нас к вам очень большая просьба...

— Прошу! — сказал ветер, ласково шевельнувшись.

— Понимаете, Подуйка Порывыч, вот эта туча, — Зай указал на небо, — хочет омрачить наш праздник... Так

вот... Не можете ли вы в честь дня рождения солнечных зайчиков сдуть ее с неба.

— И поскорее! — добавил Чишка, трясясь от страха всем телом и боясь исчезнуть.

— Нет уж! — Ветер капризно потянулся и зевнул, поднимая вокруг себя воздушные токи. — Попросите меня о чем-нибудь полегче.

— Разве вам это трудно сделать?

— Сделать не трудно, да больно уж далеко и высоко лететь — лень.

— А я знаю, почему вы отказываетесь! — сказал Чишка. — И совсем не потому, что вам лень.

— А почему же?

— Потому что вы сегодня по сводке слабый до умеренного.

— Слабый до умеренного?! Ну и что?!

— И вам сдуть эту противную тучу просто не по силам. Не по силам! Не по силам! — стал дразниться Чишка.

— Что?! — заревел ветер, терзая газету. — Не по силам?

— И еще потому, что вы сегодня

северный, злой, несговорчивый и холодный.

— Что? Я северный? Я несговорчивый и холодный?

— В газете написано. Это не я придумал...

— А вот захочу и стану южным, стану теплым! — И действительно, ветер стал теплым-претеплым. — Ну что? Какой я теперь? Теплый или нет?

— Теплый, но слабый, — продолжал подзадоривать Чишка Подуйку Порывыча. — В газете написано...

— Ах, слабый! Хорошо! Тогда я сейчас устрою такое опровержение!..

Ветер рассердился, разбушевался, дунул, свистнул, сорвался со скамейки, обхватил все деревья сразу — чуть не выдернул с корнями, сдул шляпы, взлетел на крышу, прогремел железом, сорвал вывеску, взвился в птичий простор весеннего неба, разорвал тучу на клочки и сдул ее за горизонт.

Ох и хитрый был этот Чишка! Если бы он не взял за живое ветер, да не

подзадорил его хорошенечко, неизвестно чем бы кончилась вся эта история с тучей.

А главное, все это произошло так быстро, что умный и рассудительный Зай не успел вставить и слова.

— Ну что? — спросил запыхавшийся ветер, опускаясь в изнеможении на скамейку.

— Чистая работа! — сказал Чишка, оглядывая небо, на котором не осталось ни одного облачка.

— Спасибо! — сказал Зай.

— Пожалуйста! Это мой подарок к дню рождения!

— Большое спасибо, Подуйка Порывыч! — сказали в один голос Зай и Чишка. — Счастливо оставаться. Отдыхайте! А если будете дуть, то, пожалуйста, дуйте поласковее, не простудите детей на бульварах.

— Что я, сквозняк, чтобы детей простуживать? А вы куда уходите? Разве мы сегодня не будем играть в догонялки?

— В догонялки?! С удовольствием!..

— Чишка! Ты, кажется, забыл, что

нас ждут с тобой сегодня на новоселье.

— Новоселье? Где новоселье? — встрепенулся Подуйка Порывыч.

— На нашем участке, над которым мы шефствуем с Чишкой, за зиму построили новый дом. Его уже начали заселять, а новоселы ужасно любят, когда солнечные зайчики присутствуют у них на празднике. Вы знаете, Подуйка Порывыч, новые квартиры так всегда приятно освещать. Особенно если у новоселов есть дети. С ребятами поиграешь...

— Или на хрустальный графинчик с вином сядешь и так его красиво подсветишь... — добавил Чишка.

— Чишка!

— А что? Можно подумать, что ты сам не подсвечивал графинчики...

Зай промолчал, зато вы бы видели, как разволновался ветер.

— Ах, как я люблю новоселья! — сказал Подуйка Порывыч, вскакивая со скамейки. — Я не понимаю, почему вы меня, Подуйку Порывыча, не приглашаете на новоселье?

— А что же вы там будете делать? — спросил Зай.

— Как что? Во-первых, в новых квартирах пахнет краской, а я возьму и проветрю комнаты. Я принесу с собой в дом свежий воздух! Много свежего воздуха, могу даже из леса!

— А ведь верно! — согласился Зай. — Лесной чистый воздух — лучше и не придумаешь.

— Потом на новоселье всегда все поют и даже пляшут, а я буду летать по комнатам и всех освежать... Ах, как я люблю быть освежающим ветром, вы даже не можете себе представить!

— Договорились, — сказал Зай. — Вы будете на новоселье освежающим ветром.

— В комнате — освежающим, а в дороге я буду вам попутным ветром!

— Отлично! В дорогу, друзья! — сказал Зай.

— В дорогу! — подхватил Чишка.

— В дорогу! — пропел ветер.

— Только, чур, на улице вести себя прилично и не сдергивать с прохо-

жих шляпы! Подуйка Порывыч, это я к вам обращаюсь...

— Постараюсь, — не твердо сказал ветер и глубоко вздохнул.

Итак, не теряя больше ни минуты на разговоры, Зай и Чишка в сопровождении попутного ветра отправились на новоселье в другой конец города.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Как ветер стал душистым и как он нарушил свое слово. Зеленая шляпа

Зай и Чишка летели впереди, следом за ними неся попутный ветер. Он мчался, почти не касаясь земли, не вороша пыль, не задирая вывески, не задевая афиш.

— Какой сегодня приятный ветерок!

— Какой он ласковый!

— Какой он теплый!

— Просто прелесть!

Так говорили друг другу проходившие по улице люди, и от их слов вет-

ру хотелось быть еще теплее, еще ласковей и нежнее.

Настроение у всех троих было замечательное. От наплыва чувств ветер засвистел веселую песенку, а Чишка перевернулся в воздухе и полетел вверх тормашками.

— Свистунов на мороз! — сказал Зай Подуйке Порывычу. — А ты, Чишка, перевернись и лети как предполагается. Ты ведь не в цирке.

Ветер перестал свистеть, а Чишка молча перевернулся и всю остальную дорогу летел вниз тормашками.

Возле парфюмерного магазина ветер внезапно остановился.

— Уважаемые зайчики, подождите меня, пожалуйста, минутку — я сейчас...

Зай и Чишка остановились, а ветер проскользнул с какой-то гражданской в помещение.

Через несколько минут он выпорхнул обратно. Теперь его было не узнать. Еще бы. В парфюмерном магазине Подуйка Порывыч за несколько

минут из обыкновенного попутного ветра превратился в благоухающий.

Он порхал на цыпочках от Зая к Чишке и от Чишки к Заю.

И какими духами только от него не пахло.

И сиренью, и ландышем, и жасмином, и розами!

— Ну вот, — сказал он, — теперь я душистый! Ах, как я люблю быть душистым!

И Подуйка Порывыч задышал в лицо прохожим сиренью, ландышем, розами и жасмином.

— Вы слышите, как пахнет цветами? — говорили прохожие.

— Настоящая весна!

— Ах, как хорошо сегодня на улице!

И все оборачивались вслед солнечным зайчикам и ветру и с наслаждением втягивали в себя позабытые с прошлого года запахи цветов.

Однако квартала через три запахи выдохлись, ветер перестал благоухать, как будто бы он и не душился.

Прохожие перестали обращать на него внимание.

— Безобразие! — рассердился ветер... — Не успел сделать несколько шагов, как все выветрилось... Конечно, если бы я надушился настоящей сиренью, настоящим лесным ландышем или диким жасмином, я бы благоухал целый день!

Сказав это, ветер совершенно вышел из себя, завертелся на месте, поднял с асфальта мусор, треснул об стену какой-то вывеской, оторвал кусочек афиши и в довершение всего сдул с одного молодого человека шляпу.

Шляпа была ярко-зеленая с широкими полями.

Подуйка Порывыч сорвал ее, покатил, как обруч, по тротуару, с тротуара на дорогу — прямо под колеса автомобиля.

— Вы меня извините, уважаемый Подуйка Порывыч, — сказал Зай, отанавливаясь и разгораясь от возмущения, — но это просто никуда не годится: срывать свою злость из-за каких-то духов на прохожих.

Зай помолчал немного и, ничего больше не сказав, поскакал дальше.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЯТОЕ

Как снежная туча омрачила по вине ветра праздник солнечных зайчиков. Чишка и Зай прячутся в зеркало. Новоселье состоится при любой погоде

Возле дома, над которым шефствовала бригада солнечных зайчиков под руководством Зая и Чишки, было необычайное оживление.

То и дело подъезжали грузовые машины, доверху набитые вещами новоселов.

Слышались веселые голоса, смех.

Не меньшее оживление было и в молодом садике, окружавшем подковой новый дом.

В саду работала бригада зайцев-садолюбов. Командовал бригадой опытный садовод заяц Блик.

Россыпи солнечных стай сновали по саду взад и вперед, отогревая нежные почки, стволы и корни деревьев.

Было жарко. От деревьев шел пар.

— Как дела, Блик? — спросил Зай, подлетая к толстому солнечному зайцу.

— Растаяли десять сугробов, шесть больших, четыре маленьких. Ручейков пущено три, распечатано луж шестнадцать.

— А как деревья?

— Еще спят, но если ветер не пустит на небо дня два-три тучу, мы прогреем у них корни и стволы, и они очнутся.

— Постараюсь, — пообещал ветер.

— А вы куда? — спросил Блик.

— На новоселье! Надо осмотреть квартиры и взять на учет всех детей. Счастливого оставаться.

— Светить всегда! — сказал Блик.

— Светить везде! — отозвался Зай, взлетая вместе с ветром над садом.

— А где Чишка?

— По-моему, он поскакал к какой-то машине.

— К какой машине?

— Вон, с которой сгружают большое зеркало.

Зай спланировал к зеркалу и заглянул в него. Так и есть, в самом уголке зеркала спал Чишка.

— Чишка! Ты здесь что делаешь?

— Ничего плохого, — сказал Чишка, просыпаясь.

— И хорошего тоже ничего не делаешь.

— Я квартиру осматривал и уснул. Хорошее зеркало, в плохую погоду вся наша бригада может поместиться.

— Хватит спать, лежебока. Нас же на новоселье ждут.

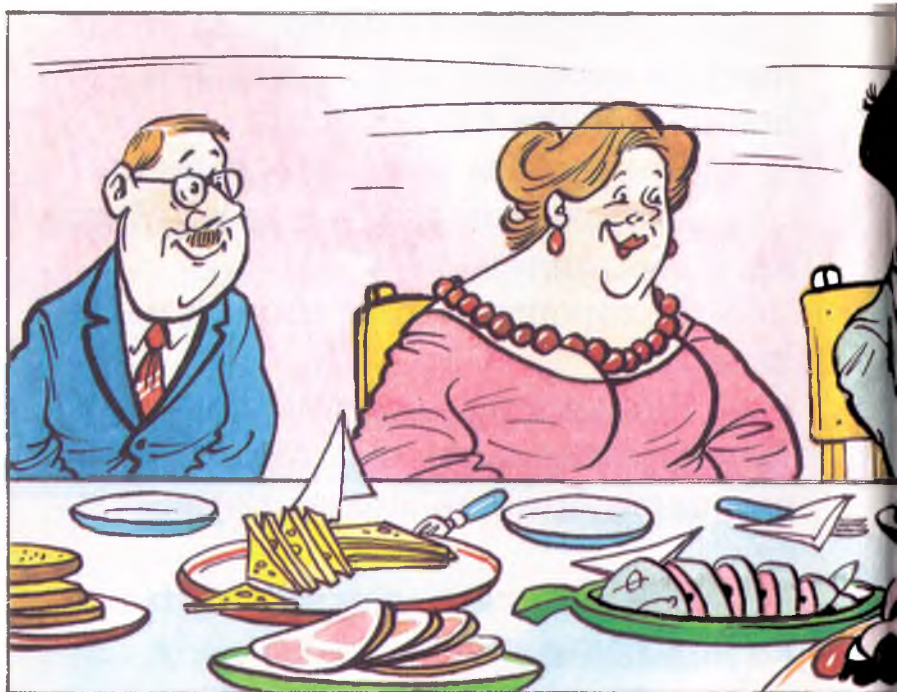
Чишка выпрыгнул из зеркала и полетел вслед за Заем.

— А с какой квартиры начнем, Зай?

— С какой? Как всегда, с верхнего этажа по порядку слева направо.

Чишка, Зай и ветер одновременно опустились на подоконник и заглянули в окно первой квартиры.

Комната была полна людей. Все сидели вокруг празднично накрытого стола.

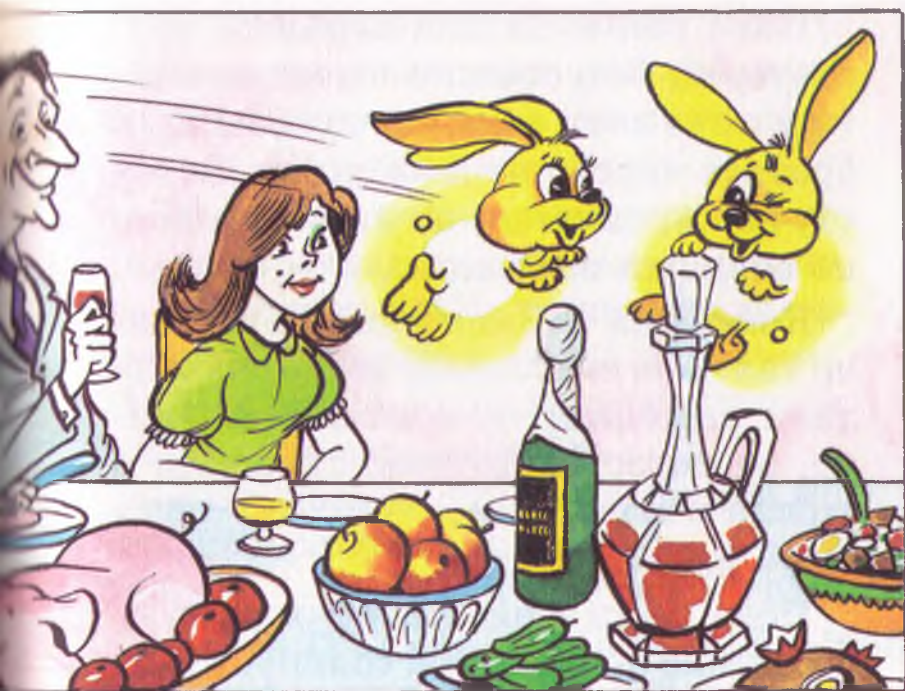

Зай пролетел сквозь оконное стекло и уселся прямо на хрустальную пробку графина с вином.

Чишка прилепился сбоку.

Графин вспыхнул. Хрусталь на столе ожил, засверкал, расцвел, заиграл.

— А-а-а! Солнечные зайчики на новоселье пожаловали, — сказал толстый веселый мужчина, — добро пожаловать.

Он снял Зая и Чишку вместе с пробкой с графина.

— С ново... — крикнул Зай, внезапно бледнея и растворяясь в воздухе.

— Сельем!.. — успел пискнуть Чишка, тоже бесследно исчезая вслед за братцем.

Всю эту сцену наблюдал за окном Подуйка Порывыч.

Пока Зай и Чишка играли в хрустале, он безуспешно пытался найти в окне хоть щелочку, чтобы пробраться через нее в комнату. Ветер стучался, свистел, но на него никто не обращал внимания.

Когда Зай и Чишка стали внезапно таять на его глазах, ветер сначала даже не понял, что с ними произошло, он перестал ласково стучаться в стекло и оглянулся.

Ну конечно!

Пока ветер занимался окном, туча бесшумно подползла к солнцу, прыгнула на него и подмывала мягкими лапами под себя.

— Досвистелся! — сказал ветер, взлетая с подоконника на крышу, громыхая железом. — А еще обещал зайчикам безоблачный праздник.

Ветер оглядел двор: солнечных зайчиков и след простыл. Исчезли Зай и Чишка, исчез Блик, скрылись хлопотавшие в саду зайцы — Почкогреи, Снеготай, Ручьегоны. Растаяла в воз-

духе музыкальная команда, исполнявшая на сосульках под руководством дирижера Капа чудесную симфонию «Весенняя капелия».

Все реже и реже срывались с сосулек прозрачные капельные до-ре-ми-фа- соль-ля-си-до! На улицах стало неуютно. Все краски потухли, слиняли. Прохожие подняли воротники, и все куда-то заторопились.

— Ну, погоди, туча! — крикнул ветер, превращаясь из освежающего в буйный. — Сейчас я тебе задам трепку! — Он гикнул, свистнул и порывисто рванулся ввысь, дую во всю мочь, изо всех сил.

Три дня и три ночи бушевал на улицах Подуйка Порывыч, стараясь сдуть с неба тучу, погасившую всех солнечных зайчиков.

Три дня и три ночи снежная туча воевала с буйным ветром.

Она валом валила снег на землю, а ветер подхватывал его и забрасывал с посвистом обратно.

— Дед за внуком пришел! — гово-

рили дворники, вооружаясь метлами.

— Апрельские затеи...

— Хороши затеи, вон какой снег-снежок!

— Снег-снежок, снежок-снежок...

Три дня и три ночи просидели Чишка и Зай в круглом зеркале для бритья, куда их загнала снежная туча во время новоселья.

Конечно, праздник в доме продолжался и без солнечных зайчиков, хотя чей-то мужской голос сказал:

— Эх, жалко, что погода испортилась!

Сидя в зеркале, Чишка и Зай слышали, как в комнате становилось все веселей и веселей. Вот кто-то затянул песню, потом кто-то пошел в пляс, да так весело, что на комоде стало подпрыгивать зеркало, в котором находились Зай и Чишка.

Ох и ругали же они между собой Подуйку Порывыча! Говорили же, что ветру нечего делать на новоселье, так нет, увязался: «Ах, я буду освежающим!.. Ах, я буду попутным!..» Лучше бы за тучей следил...

А теперь вот торчи в зеркале и слушай, как другие веселятся...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШЕСТОЕ

Зай устраивает общее собрание солнечных зайчиков и распределяет их по квартирам. Чишка сократил речь своего брата

На четвертый день обессиленная туча, истощив снежные запасы и устав бороться с ветром, ночью отступила от города.

Чишка и Зай, заболевшие от скуки бессонницей, с первыми лучами солнца выскочили из зеркала.

— Скорей на новоселье! — крикнул Чишка, пролетая сквозь стекло и усаживаясь на заснеженный подоконник.

— На какое новоселье? Все еще спят! И потом все его уже отпраздновали, — мы с тобой опоздали.

— Опоздали! — заскучал Чишка.

Очень уж хотелось ему повеселиться на празднике.

— А ты не вешай нос. Нашу бригаду такая работа ждет, смотри, туча какие сугробы наворочала.

Чишка взглянул вниз. Город был весь завален снегом. Заборы были убраны белыми валиками. В кустах цвели снежные розы.

Чишка вздохнул, проворчал, слетая с подоконника:

— Сказка про белого бычка... Топили, топили, а его опять вон сколько.

По саду прыгал заяц Блик, считая:

— Больших сугробов — двадцать, маленьких — пятнадцать, двадцать пять... тридцать... Светить всегда! — приветствовал он Зая и Чишку.

— Светить везде! — отзывались братцы.

— Что это у тебя, Блик, не все зайцы на работу вышли? — спросил строго Зая.

— Метель убаюкала. Никак не проснутся.

Блик полетел из окна в окно, от зеркала к зеркалу.

— Эй, зайцы! — кричал он. — Снегогреи, Снеготай, Снеготопы! Лежебоки! На работу пора! Подъем!

Зай и Чишка занялись тем временем обследованием дома.

Нужно было выяснить, сколько у

новоселов детей и не нужна ли кому из них солнечная скорая или неотложная помощь.

Так как в доме было очень много квартир, то Зай и Чишка управились только часам к двенадцати. В саду кипела работа.

— Зай, смотри-ка, вон наш Подуйка Порывыч!

— Где?

— У калитки.

— Действительно.

Ветер стоял у калитки и делал вид, что не замечает Зая и Чишку.

Он отворял дверцу калитки, потом с оглушительным треском захлопывал. Потом снова медленно отворял и хлопал.

Хлопал и отворял.

Отворял и хлопал.

— Большое дело делаете! — сказал Зай, подскакивая к забору.

Ветер молча отворил писклявую калитку и снова треснул ею об ограду.

Калитка запищала.

— Уж не могли, Подуйка Порывыч, день рождения не испортить... — съязвил Чишка.

Ветер промолчал. Ему было стыдно, что его так одурачила снежная туча.

— Да перестаньте вы мучить калитку...

Ветер оставил калитку в покое и сказал:

— Зато я теперь эту тучу знаете куда угнал?

— Куда?

— На колхозные поля.

— Молодец, Подуйка Порывыч!

— Молодец!.. Ее нужно было сразу туда гнать, а то все новоселье нам испортили, — никак не мог успокоиться Чишка.

— Вы уж извините меня...

— Ладно уж!.. — сказал Зай, а Чишка промолчал все-таки.

— Вы сейчас куда?

— На общее собрание солнечных зайчиков.

— А мне можно?

— Пожалуйста, Подуйка Порывыч, у нас от вас секретов нет. Блик, — крикнул Зай, — собери всех возле снежной бабы на собрание!

Вскоре вся солнечная бригада со-

бралась в саду на клумбе, облепив снежную бабу.

Баба взяла и моментально растаяла.

— Произвели сильное впечатление! — сказал Чишка.

Тогда зайцы расселись по деревьям — так будет надежнее.

— Дорогие зайцы! — начал торжественно Зай. — Вы, конечно, все понимаете наше с вами значение в предстоящей весенне-летне-осенней кампании. На этом я могу не останавливаться.

— Можешь! — сказал Чишка. — На значении значения нашего солнечно-весеннего свечения тоже можешь не останавливаться.

— Договорились. Тогда я, с вашего разрешения, перехожу в своей речи к значению...

— С нашего разрешения переходи в своей речи прямо к заключению! — сказал Чишка.

Зайцы его поддержали.

— Тогда... в заключение своей речи я хочу сказать, что мы с Чишкой осмотрели новый дом и взяли на учет всех детей. В доме живут пятнадцать

мальчиков и десять девочек. Из них пять мальчиков и пять девочек с нами дружат и ценят нас, четверо нас сторонятся...

— Почему?

— Причина еще не выяснена... Итак, четверо сторонятся, восемь человек не придают нам особого значения, а три человека не могут придавать нам значения...

— По какой причине?

— По причине своего малолетства.

— Им троим скоро будет вместе три года, — пояснил Чишка.

— Попрошу без шуток! — сказал Зай. — Должен вам сказать, что это очень славные малютки.

— Они не малютки, а малюшки, — уточнил Чишка.

— Какие еще малюшки?

— Малютки — это побольше, а малюшки — это совсем маленькие.

— Между прочим, оратора не полагается перебивать.

— Извините, — сказал Чишка.

— Значит так... — продолжал Зай, — приступаем к распределе-

нию... К малюткам, то есть к малюшкам в квартиры тридцать пятую, двенадцатую и седьмую назначаются, назначаются... Прыжка, Тяп и Ляп. Когда малыши проснутся, будете их забавлять. Можно прыгать, кувыряться, щекотать, но не сильно... а главное, не вздумайте наводить им на мордашки загар — им еще рановато.

— Знаем. Грамотные, — сказали Тяп, Ляп и Прыжка.

— Круть!

— Здесь!

— В четырнадцатую квартиру.

— Есть!

— Верть!

— Я!

— В шестнадцатую.

— Есть.

— Скок!.. Скок!..

— Скок выращивает в саду первые подснежники.

— Снять с цветов и перебросить на детей, — сказал Чишка.

— Ты думаешь, это будет правильно?

— Железно! — ответил Чишка.

— Тогда лучше будет тебя снять с дерева и перебросить в школу на урок русского языка.

— А я в школе и научился так разговаривать.

— Что? В школе? На уроке?

— Почему на уроке?.. На перемене...

Зайцы захохотали, даже Зай и тот не удержался.

Минут через пять Зай распределил всех солнечных зайчиков по квартирам.

— А мы чем займемся? — спросил Чишка.

— А мы займемся теми ребятами, что нас сторонятся.

— Всегда нам самые трудные.

— Чишка! Светить всегда!

— Светить везде! — нехотя ответил Чишка.

— Светить везде! — подхватили зайцы, и все разлетелись по квартирам.

— А меня в какую квартиру?

— Подуйка Порывыч! А я про вас и забыл.

— Сидел на собрании тихо, не ше-

шелохнувшись, слушал внимательно, не отвлекался, а меня почему-то никуда не назначили.

— Вы за небом, за небом повнимательней смотрите, — загорячился Чишка, — а то опять как с новосельем получится.

— Тогда разрешите хоть до квартиры вас проводить.

— А небо? — спросил Чишка.

— А я буду лететь спиной и смотреть на небо.

— Если только спиной... — согласился Чишка.

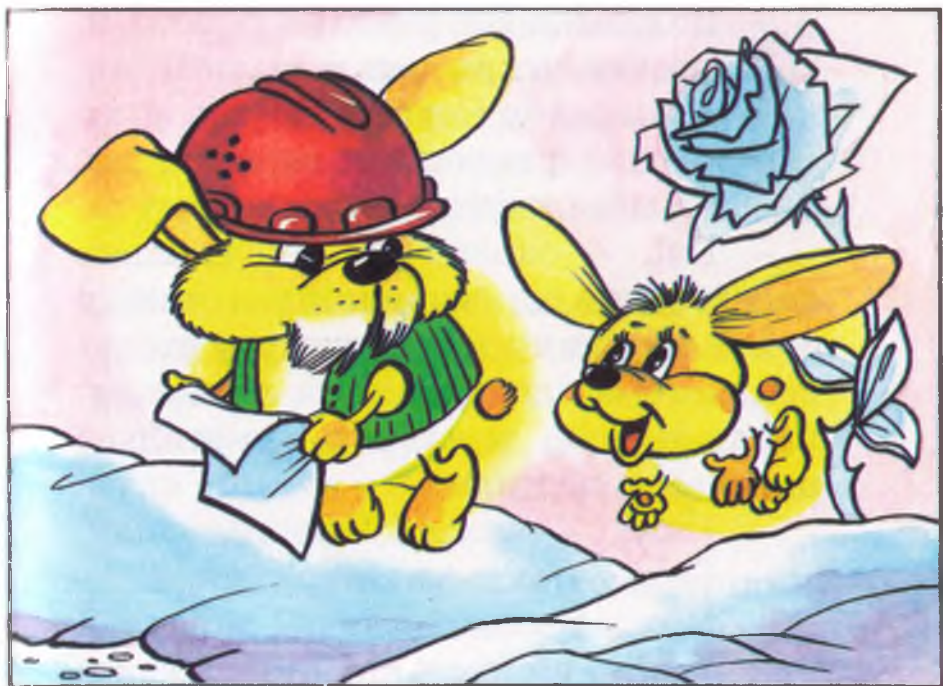
ПРИКЛЮЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Зай и Чишка знакомятся с Боязливой Петровной, Наперекором Сергеевичем и мальчиком Болей

— Наперекор, не открывай форточку! Болик может простудиться!..

Форточка захлопнулась.

— Боязлива! Ты только посмотри,

какая на улице сегодня чудесная по-
года!..

Форточка открылась.

— Сегодня холодный ветер!

Форточка захлопнулась.

— Сегодня ветер теплый.

Форточка открылась.

— На-пе-ре-кор!

Форточка захлопнулась.

— Боязлива Петровна!

Форточка открылась.

— Наперекор Сергеевич!

Форточка захлопнулась и закрылась на металлическую задвижку.

— Гм!.. — сказал Зай, поглядывая сквозь окно на ссорившихся между собой мужчину и женщину и на худенького и бледного, как кочерыжка, мальчика, лежащего под теплым одеялом в постели.

— Гмм!.. — сказал Чишка.

— Гмм, — сказал ветер.

— Придется вмешаться, — сказал Зай и проник сквозь стекло в комнату.

— Придется вмешаться, — сказал Чишка, исчезая вслед за братцем.

— Придется вмешаться, — сказал ветер, ткнувшись лбом в стекло и отскочил.

Подуйка Порывыч всегда поражался умению солнечных зайчиков проскакивать сквозь плотные стекла или, например, нырнуть на дно лужи и выйти сухими из воды.

Ветер был совершенно лишен та-

ких способностей. Возле воды Подуйка Порывыч всегда становился сырым ветром и в таком виде был противен даже самому себе, а проникнуть он не мог и сквозь самое тонкое стекло.

Зато он мог проскользнуть сквозь игольное ушко или сквозь самую узенькую-преузенькую щелочку.

К сожалению, окно, в которое нырнули Чишка и Зай, было по-зимнему наглухо заклеено.

Не найдя подходящей скважинки, Подуйка Порывыч постучался в окно и, видя, что на него никто не обращает внимания, полетел к подъезду.

Поднявшись по лестнице, он нашел нужную квартиру и сквозь замочную скважину протиснулся внутрь.

В комнате возле постели мальчика мужчина (Наперекор Сергеевич) все еще продолжал спорить с женщиной (Боязливой Петровной).

Чишка и Зай возились на подоконнике с цветами.

— Мальчик должен пойти гулять! — сказал Наперекор Сергеевич.

— Нет, мальчик не пойдет гулять! На улице ветер! — сказала Боязлива Петровна.

«Почему я на улице?.. Я уже здесь...» — подумал про себя Подуйка Порывыч, но, вспомнив, что все матери относятся к нему почему-то с предубеждением, решил пока не обнаруживать своего присутствия.

Наперекор Сергеевич хотел что-то сказать, но потом махнул рукой, чиркнул спичкой, закурил и выдохнул из себя такое большое облако дыма, словно у него внутри был пожар.

— И не кури, пожалуйста, в комнате!

Подуйка Порывыч взял весь дым в охапку и осторожно вынес его из комнаты в переднюю. Остатки через замочную скважину выдул на площадку. Вернулся.

— Ура! Ветер пришел! — шепнул Чишка.

— Подуйка Порывыч явился! — обрадовался Зай.

— Я могу не курить, но Боля дол-

жен гулять. Сегодня на дворе волшебная погода.

Спор возобновился.

— Сегодня на дворе коварная погода.

— Волшебная!

— Коварная!

В это время Чишка и Зай распустили на подоконнике бутоны домашних роз.

— Ах, какая прелесть! — шепнул ветер. — Как я люблю запах роз. Сейчас я всех надую настоящими розами.

— Цветы! На окне распустились цветы! — радостно, не веря своим глазам, вскрикнула Болина мама.

— Я тебе говорил, что на дворе стоит волшебная погода.

— Чудеса! — прошептала женщина. — Даже кактус и тот расцвел. Волшебная погода...

— А раз волшебная, то наш сын должен идти гулять, а не париться под ватным одеялом. И все! И больше я на эту тему не разговариваю!

Болин папа оделся и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Чишкина ошибка. Подуйка Порывыч становится бризом. Зай, Чишка и ветер наводят Болику черноморский южнобережный загар

— Мама! Я хочу гулять! — сказал бледный, как кочерыжка, мальчик.

— У тебя температура.

— У меня нет температуры.

— Хорошо! Сейчас ты убедишься...

Болик подержал градусник.

— Тридцать... — стала считать мама. — Тридцать... Ничего не вижу.

— Сейчас я ей посвечу, — сказал Чишка, слетая с цветка и усаживаясь на стеклянную палочку термометра.

Ртутная змейка ожила и поползла вверх, пока не уперлась в стеклянный потолок.

Болина мама надела очки.

— Сорок два! — вскричала она в ужасе. — Я говорила! Я говорила! Доктора! Скорее доктора! Исцеляй Иванович!

С градусником в руках Болина мама выбежала из комнаты так быстро, словно ее сдуло ветром.

Доктор жил в этом же подъезде на первом этаже. Звали его Исцеляй Иванович, а фамилия у него была самая обыкновенная Ухогорлонос.

— Твои штучки? — спросил Зай Чишку, когда Болина мама убежала за доктором.

— Я ничего... Я хотел только посветить...

— Посветить... — сказал ветер, дуя на Чишку, чтобы его остудить.

— Посветить... — сказал Зай. — Сколько раз тебе твердил: при измерении температуры в разгоряченном виде...

— Никогда не прикасаться к градуснику! — закончил Чишка.

— А теперь давайте исправлять Чишкину ошибку.

— Каким образом? — осведомился ветер.

— Очень просто. Болина мама мни-

тельная-мнительная, думает, что у нее сын больной-больной, а мы, пока она ходит за доктором, как наведем Боле загар, как закалим его. Вернется мама с доктором, а сын лежит загорелый-загорелый, здоровый-здоровый, закаленный-закаленный!

— Не успеем, — усомнился ветер.

— Успеем. Мы его по скоростному методу будем закалять.

— А какой загар будем делать? — спросил Чишка. — Речной или морской?

— Конечно, морской.

— Черноморский?

— Южнобережный!

— С ветерком! — добавил Подуйка Порывыч. — Ах, как я обожаю быть морским ветром! Когда я дую с моря, меня все величают бризом. Ах, как я люблю, когда меня величают бризом! — Ветер заволновался и надул все занавески, как паруса.

— Лево руля! — крикнул Чишка, прыгая по подоконнику, словно по палубе корабля. — А помните, Подуй-

ка Порывыч, когда мы с вами были в Крыму...

— Хватит болтать! — сказал Зай. — Слушали! Постановили! И давайте выполнять. Вернется мама, а мальчик у нас лежит белей подушки.

Зай, Чишка и ветер окружили лежащего в кровати мальчика.

— Здравствуй, мальчик! — сказал Зай.

— Здравствуйте! Вы кто такие?

— Мы не «выктотакые», а солнечные зайчики. Меня зовут Зай, а это мой брат — Чишка, а это наш друг Подуйка Порывыч — ветер.

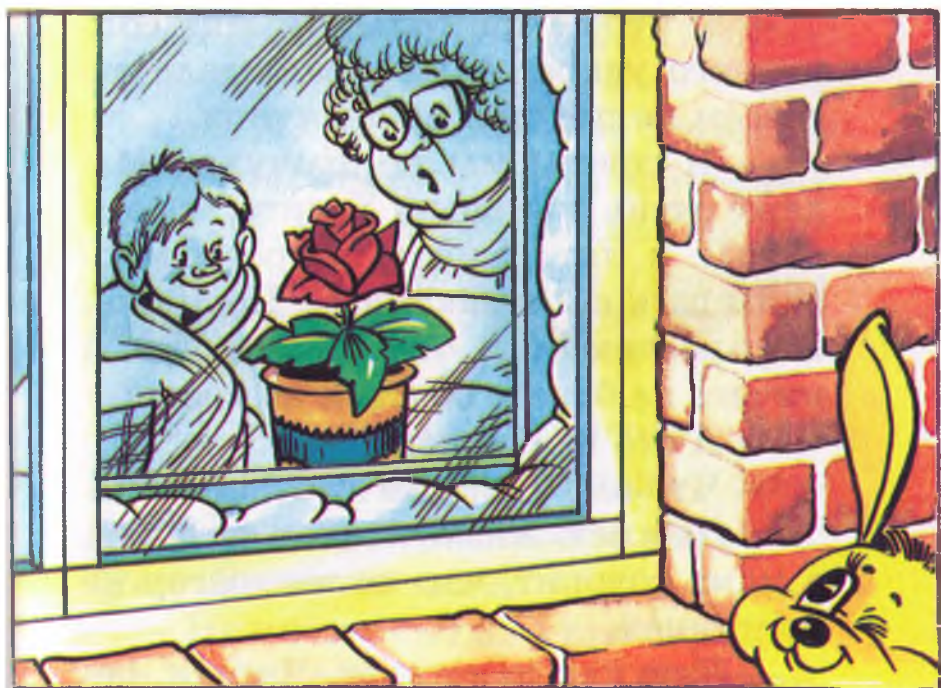
Мальчик повернул голову в сторону ветра и стал таращить глаза.

— Вы его не разглядывайте, — сказал Чишка, — он у нас невидимка.

— Здравствуйте, мальчик, — сказал ветер и нежно погладил его по лицу.

— Интересно! — сказал мальчик. — Первый раз вижу солнечных зайчиков и... ветер.

— Как, разве там, где вы раньше жили, у вас не было ни одного зна-

когого солнечного зайчика? — спросил Зай, покрывая загаром левую руку мальчика.

— Мне мама не разрешала знакомиться с вами. Она говорит — вы драчуны.

— Мы драчуны? — удивился Чишка, покрывая загаром правую руку мальчика.

— И что от вас только и жди солнечного удара. А на самом деле вы совсем не похожи на драчунов.

— И совсем мы не драчуны. Мы даже очень полезные. Хотите, мы вас сейчас в пять минут покроем морским загаром и закалим с Подуйкой Порывычем так, что вы никогда и ничего не будете бояться на свете?

— А это не больно?

— Что вы? Даже не почувствуете.

— Да я всю жизнь мечтал загореть, а мама говорит, что ко мне загар не пристанет.

— Еще как пристанет. Чишка, переходи на левую щеку!

— С ветерком его.

— Наддай жару!

— Чишка, нос не сожги!

— Ой, щёкотно!

— Подуйка Порывыч, освежай!

— Лакируй!

Когда Болина мама в сопровождении доктора Ухогорлоноса вбежала в комнату, чудесный, ровный, морской, южнобережный загар был уже наведен на лицо и руки мальчугана.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Доктор Исцеляй Иванович Ухогорлонос прописывает Болику солнечных зайчиков. Что такое соллюс трусус Заюс Чишкус? Боязлива Петровна выгоняет ветер из дома

— Я вам говорю: температура сорок два градуса! — крикнула в отчаянии Болина мама, влетая в комнату. — Он весь в огне!

— Не может быть! — крикнул доктор Ухогорлонос, потрясая градусником.

— Что такое, Болинька?! Что с тобой, мой мальчик? Боже мой! У него такая высокая температура, что он даже почернел! Мне дурно! Воды! — шепнула Болина мама, падая в обморок.

— Ничего не понимаю! — сказал доктор Ухогорлонос, подхватывая ее на руки.

— Здравствуйте, доктор! — сказа-

ли Чишка и Зай, усаживаясь Исцеляю Ивановичу на правое и левое плечо.

— А!.. Солнечные зайчики!.. Зай и Чишка! Ну теперь мне все понятно. Ваша работа? — Доктор перевел взгляд на мальчика.

— Понимаете, Исцеляй Иванович, — сказал Зай, — мы хотели Болиной маме сюрприз сделать, а получилось...

— А получилось вон что...

Доктор Ухогорлонос дал Боязливе Петровне воды, Зай и Чишка потеряли ей виски, ветер дул ей в лицо до тех пор, пока она не пришла в себя.

— Успокойтесь, Боязлива Петровна, — сказал доктор Ухогорлонос, — ваш сын Болик вполне здоров.

— А это?

— А это обыкновенный загар, — пояснил Исцеляй Иванович.

— Это не обыкновенный загар, а черноморский, — поправил доктора Чишка.

— Виноват! Это необыкновенный черноморский загар, а это его виновники... То есть мастера целебного загара, мои помощники Зай и Чишка.

Зай и Чишка засияли изо всех сил от удовольствия.

— Очень приятно, — сказала Боязлива Петровна таким тоном, как будто это ей было очень неприятно.

— Славная работа! Славный загар! Ну-ка, загарыш, дай-ка я тебя послушаю, — сказал Исцеляй Иванович Болику. — Так... Так... Не дыши... Теперь дыши поглубже... Так... Отлично! Все в порядке! До свидания, Боязлива Петровна. Все в порядке. Мальчик вполне здоров.

— Исцеляй Иванович, а как же рецепт?

— А зачем он? Повторяю, ваш сын вполне здоров... Впрочем, можно и рецепт. — Доктор Ухогорлонос достал ручку. — Значит, так... И так... Вот... Держите...

Исцеляй Иванович протянул Бояз-

ливе Петровне рецепт, помахал рукой Болику, Заю, Чишке и ушел.

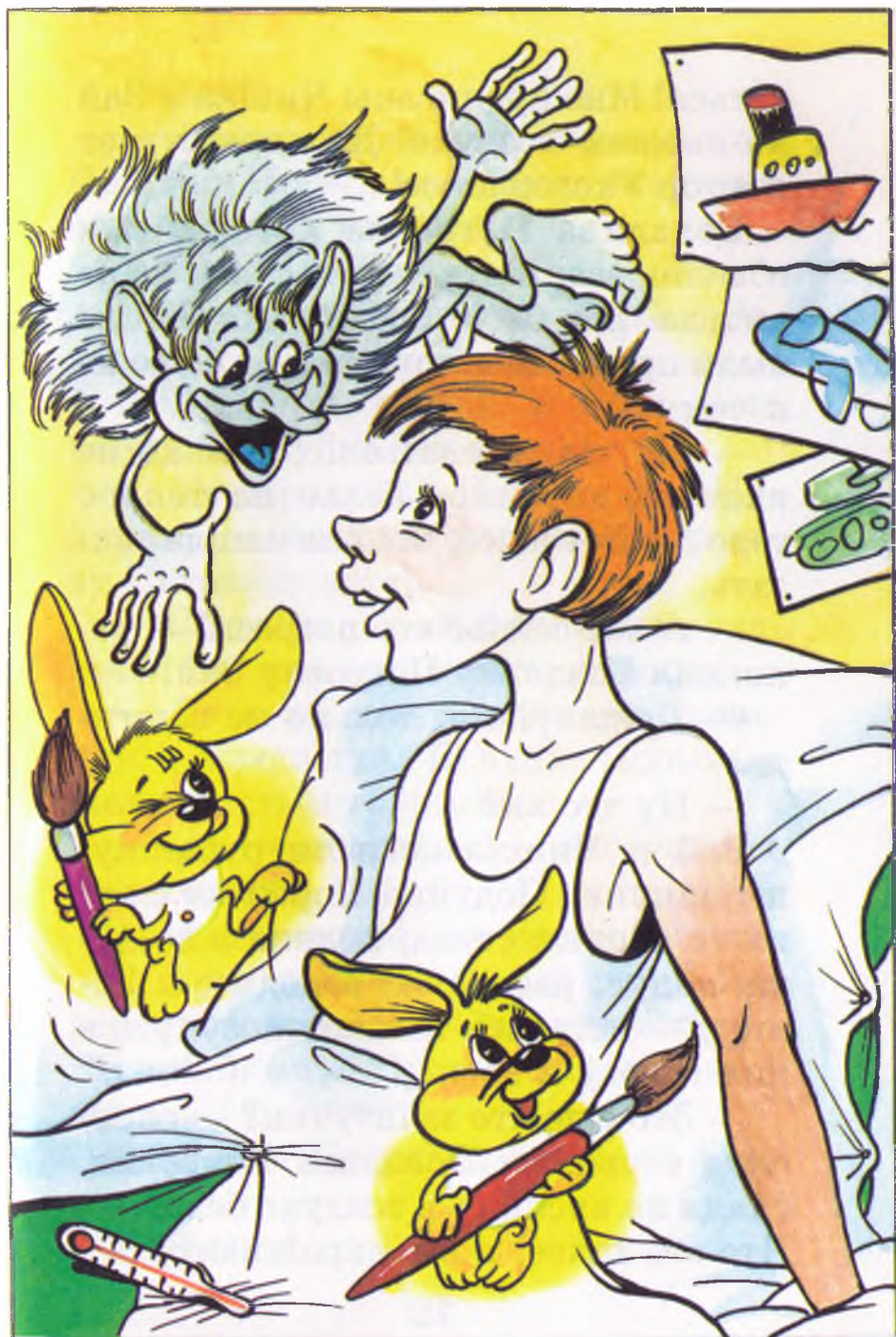
Подуйка Порывыч захлопнул за ним дверь.

— «Р... п... — читала Боязлива Петровна. — Болику... Соллюс трусус Заюс Чишкус. Принимать ежедневно на свежем воздухе. Цита. И. И. Ухогорлонос...» Что он такое прописал? Ничего не поймешь, какая-то чепуха.

— А что здесь непонятного? — сказал Зай, примостившись на самом уголочке рецепта. — Соллюс трусус значит по-латыни солнечные зайчики. Заюс — это я, а Чишкус — это мой брат. Цита — значит срочно. Ежедневно принимать нас — это, значит, каждый день! — продолжал объяснять Зай Боязливе Петровне. — А на свежем воздухе, это, значит, на свежем воздухе, а не в доме.

— А Ухогорлонос это доктор, а доктора надо слушаться, — вставил Чишка.

— Урра! — крикнул Болик. — Оде-

ваться! Мне прописаны Чишка и Зай на свежем воздухе! Да здоровствует доктор Ухогорлонос!

Боязлива Петровна хотела, как обычно, возразить своему сыну, но не смогла. Все было правильно. Зайцы были прописаны, придраться было не к чему.

— Да, да, одеваться... Только не надевай холодное белье на теплое тело. — Вот и все, что она нашла сказать.

— А мы сейчас его погреем! — успокоил Боязливу Петровну Зай.

— Пожалуйста, только не сожгите.

— Ну что вы!

Зай и Чишка согрели рубашку, штанишки, Подуйка Порывыч снял их со спинки стула, поднял в воздухе, надул, расправил и поднес к Болику — осталось только просунуть в них голову и ноги.

— Это еще что за штучки? — спросила с ужасом Боязлива Петровна, глядя на висящее в воздухе белье. — Что это такое, я вас спрашиваю?

— Это?

— Ничего особенного. Это наш друг Подуйка Порывыч — ветер помогает вашему сыну одеться.

— Какой ветер?

— Как какой? Обыкновенный... Ветер, и все...

— Вы с ума сошли! В моем доме ветер! Продуйка Порывыч!

— Не Продуйка Порывыч, а Подуйка... — ласково поправил Боязливу Петровну ветер.

— Подуйка, Продуйка! Какая разница! Вы мне простудите ребенка!

— Да я же ветер, я же не сквозняк! — прошептал Подуйка Порывыч шелковистым голосом.

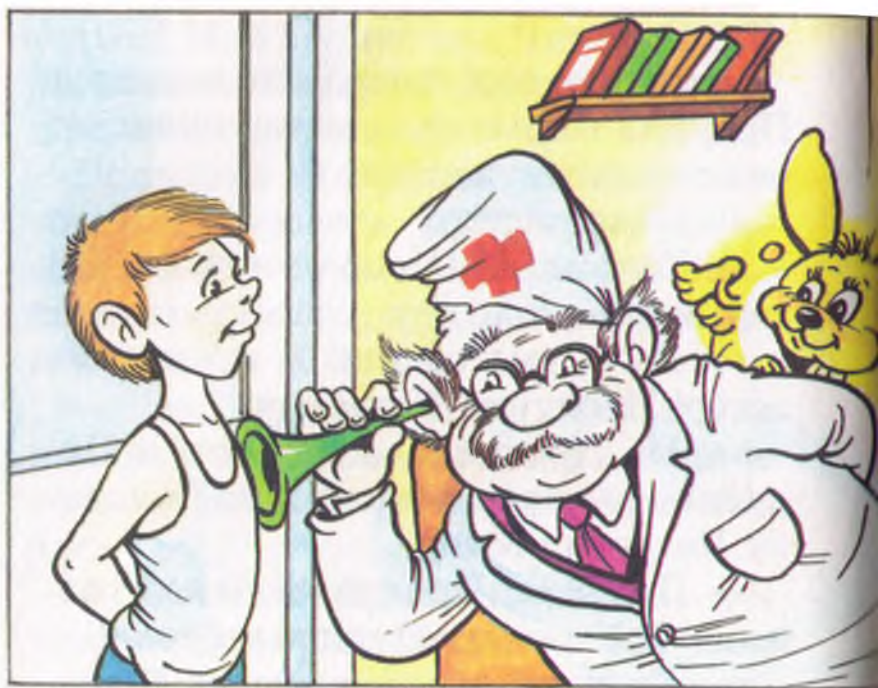
— Он не сквозняк! — заступился за ветер Зай.

— Он хороший! — добавил Чишка.

— А он прописан моему сыну? Где рецепт? Вот рецепт. Где здесь ветер?.. Не прописан... Прошу оставить мой дом.

Боязлива Петровна открыла форточку.

— Я жду!

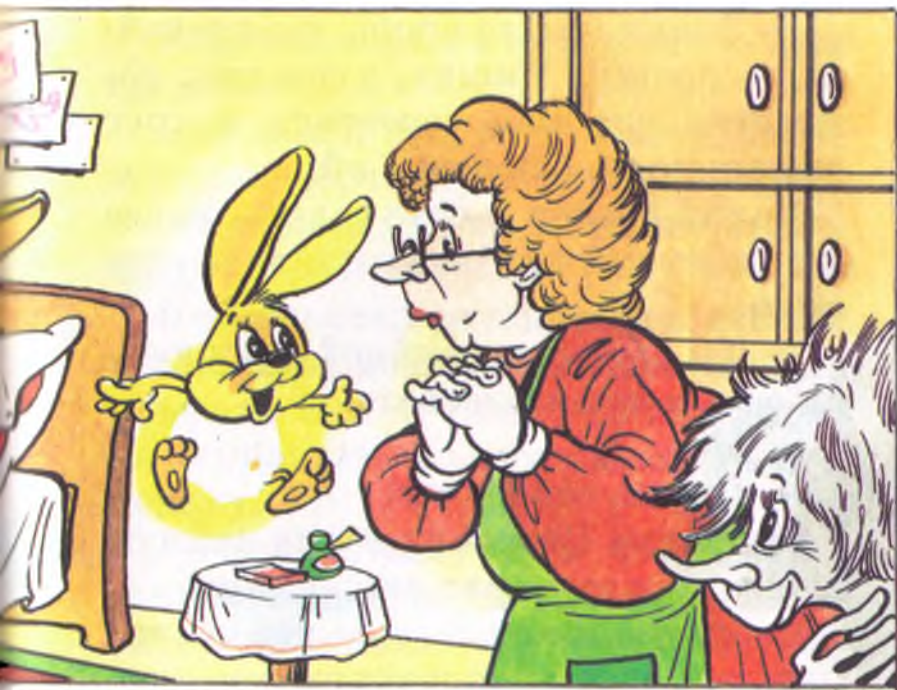

Подуйка Порывыч бросил рубашку Болика на постель и вылетел через форточку на улицу, громко треснув с досады створкой об окно.

Выпроводив ветер из комнаты, Болина мама присела к зеркалу и стала разрисовывать свое лицо, словно это была картинка для раскрашивания.

— Одевайся потеплее, — сказала

она Болику, — и съешь на дорогу сырое яйцо.

— Но почему же сырое? — запротестовал Болик. — Почему я должен есть сырые яйца?

— Сырые полезней. Не спорь!

Чишка взглянул на Болика и понял, что ему ужасно не хочется есть сырое яйцо.

— Болик, ты не спорь, ты одевайся, — шепнул Чишка, а сам стал незаметно для Зая вертеться вокруг лежащего на блюдечке яйца.

Болик оделся и стал ждать, когда его мама кончит раскрашивать свое лицо.

— Ты съел сырое яйцо? — спросила она, кончая рисовать.

— Нет.

— Съешь сейчас же!

Боязлива Петровна взяла чайную ложечку и тюкнула ею по яйцу.

Скорлупа треснула, и из-под нее высунулась наружу головка светло-желтенького, как подснежник, цыпленка.

— Ой! — сказала мама и чуть не выронила новорожденного из рук.

— Цыпленок! — крикнул радостно Болик. — Тикает... как папины часы.

— Ничего не понимаю, — сказала Болина мама.

Болик радостно рассмеялся, а Зай сердито нахмурился, он-то знал, что это Чишкины проделки. Недаром тот кружился все время возле яйца.

Впрочем, сердись не сердись — дело сделано.

Цыпленка закутали в вату, положили в картонную коробку, и все вчетвером вышли на лестничную площадку.

Первым стал спускаться с лестницы Болик с мамой, а следом за ними прыгали Зай и Чишка со ступеньки на ступеньку, со ступеньки на ступеньку.

— Болик, закутайся потеплее, — сказала Боязлива Петровна, когда все спустились вниз, — возле дверей всегда гуляют сквозняки...

— Ему теперь сквозняки не страшны! — сказал Зай.

Дверь на улицу распахнулась сама. Так всем показалось, а на самом деле ее распахнул ветер. Он все время терпеливо ожидал своих друзей на улице.

— Наконец-то, — тихо шепнул он Чишке, — а то я вас тут жаждался.

Садик был полон детей. Все они были ярко одеты и напоминали кто

снегиря, кто жулана, кто канарейку, кто славку или пеночку.

Невидимые сквозняки, боясь разгневать ветер, держались от детей на почтительном расстоянии.

Увидев Болика, сквозняки стали трястись, дрожать и вздыхать.

— Ах, какой загореленький мальчик! — сипели они сырыми голосами.

— Ах, какой здоровенький!

— Такого, пожалуй, и не продумаешь!

— Такого, пожалуй, и не простудишь!

— Эй вы, сквозняки! — крикнул ветер. — Хрипун, это я тебе говорю и тебе, Кашлюн, ну-ка, убирайтесь-ка подобру-поздорову отсюда, а то я рассвирепею, выйду из себя, превращусь в ураган и задам вам такую трепку...

Сквозняки исчезли.

Болик шел с мамой по саду. Мальчишки окружили Болика и с нескрываемой завистью рассматривали его черноморский южнобережный загар.

— Ты где это успел так загореть? — спросил один из них.

— Ты у моря загорал? — спросил другой.

— Вы с Кавказа приехали? — спросил третий.

— Мы с Кривоколенного переулка сюда приехали, а не с Кавказа, — ответил Болик и пошел пускать в луже кораблик.

— До свиданья, Болик! — сказал Зай мальчику.

— Пока! — сказал Чишка.

— Как, разве вы меня покидаете?

— Нам надо осмотреть свое хозяйство! — пояснил Зай.

— До свидания, дорогие зайчики! Спасибо вам за загар и за все... Если бы не вы, то меня мама ни за что не выпустила бы на улицу. Счастливого пути. До свиданья!

— Не бойся сквозняков! — сказал ветер и погладил Болика по лицу.

— Светить всегда! — сказал Зай.

— Светить везде! — отозвался Чишка, и трое друзей взлетели над городом.

Настроение у них было самое замечательное, ведь весна только началась, и, значит, все настоящие приключения были впереди.

Чишка и Зай улетали все дальше и дальше, пока не превратились в золотые пятнышки.

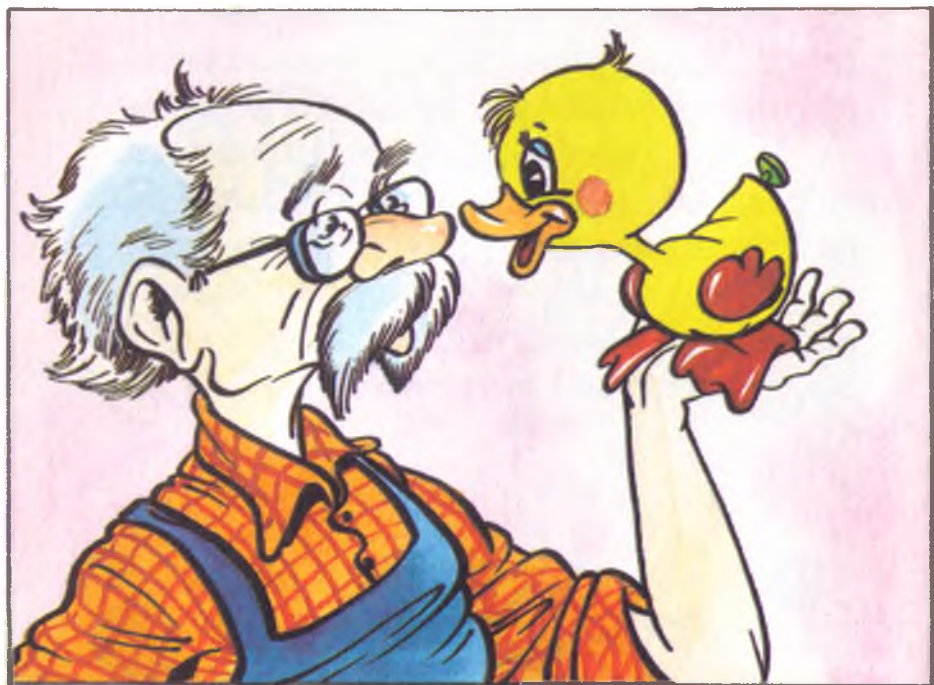
Все тише и тише доносилось с неба:
— Светить всегда! Светить везде!

Гусёнок. Заплатки

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Я помню себя с той самой минуты, когда меня выкроили из прекраснейшего куска резины на две одинаковые половинки, склеили, и я получил возможность слышать все, что творилось вокруг меня.

Мастера, который занимался мною, звали Кузьма Кузьмич. Вероятно, он

был замечательным игрушечником, — я слышал, к нему часто обращались за советом. Все операции, которые Кузьмич производил со мной, он делал быстро, ловко и, главное — весело. У него были сильные руки, вкусно пахнувшие табаком и резиновым клеем.

Поговорки так и сыпались с его языка. Некоторые из них я запомнил, например, вот эти: «Сёмка украл поросенка, а сказал на гусенка», «И гуся на свадьбу тащат», «Спросил бы гуся, не зябнут ли ноги», «Одним гусем поля не вытопчешь», «Гусь пролетел и крылом не задел»...

Судя по количеству пословиц, я понимал, что мы, гуси, определенно немаловажные птицы. Тем более что про нас, гусей, даже песня сложена: «Летят утки и два гуся». Я быстро выучил мотив и слова и хотел подпеть Кузьмичу, но обнаружил, что во мне нет воздуха. Не успел я подумать об этом, как Кузьмич подставил меня к какой-то шипящей машине и стал через лапу надувать.

Так исполнилось мое первое желание. Я наполнился воздухом, округ-

лился и зазвенел, как футбольный мяч.

— Хорош гусь! — сказал Кузьмич, шлепнув меня по упругому боку.

Действительно, я был хорош.

— Звенит! — добавил Кузьмич, щелкая меня пальцем и поднося к уху. — Звенит, — подтвердил он еще раз и запел весело: — «Летят утки и два гуся...»

Я стал тихонько подпевать Кузьмичу, но в это время раздался звонок, известивший о том, что наступил час обеденного перерыва.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Кузьмич ушел, а я остался лежать на столе. Обеденный перерыв мне пришелся по душе. Еще бы! Никто тебя не трогает, не клеет, не растягивает, не надувает, не выпускает из тебя воздух, ты спокойно лежишь на столе и ничего не делаешь.

Все было бы хорошо, если бы не жар, который я почувствовал спустя некоторое время.

Мой левый бок жгло все сильнее и сильнее, а я лежал и терпел.

Я терпел до тех пор, пока не кончился обеденный перерыв. Когда Кузьма Кузьмич, напевая хрипловатым голосом свою любимую песню, вернулся, в комнате уже начало пахнуть жженой резиной.

Перестав петь, Кузьмич потянул носом, охнул, схватил меня за лапы и опустил в воду, бормоча:

— Ах ты, оказия какая! Забыл выключить... — Он сказал что-то еще, но я не расслышал.

Высушив меня, Кузьма Кузьмич первым делом закрасил опаленный бок, в котором я все еще продолжал чувствовать легкое жжение и боль.

— Все гусь, были бы перья... — сказал Кузьмич мрачно.

Это была последняя поговорка, которую я услышал от него. Очевидно, он сильно расстроился, потому что перестал напевать, и раскрашивал меня молча, то и дело вздыхая.

Я ВИЖУ

В самую последнюю очередь Кузьмич приклеил мне глаза, сначала правый, потом левый, и я стал видеть.

Кузьма Кузьмич оказался таким, каким я его себе и представлял. Брови у него большие и мохнатые, как усы, а усы еще больше и еще пушистей.

— Ах ты, гусятная поджарка! — вздохнул мастер и поставил меня сушиться.

«И чего он так сокрушается, этот Кузьма Кузьмич?..»

Я оглядел себя с ног до головы и убедился, что я прекрасен. Правда, мой вид портил левый бок, покрытый небольшими пупырышками от ожога, но это место Кузьма Кузьмич так ловко закрасил, что оно совсем не бросалось в глаза. Зато какие голенастые у меня ножки и какая нежно-желтая шейка! А глаза! Глаза янтарные, с карим ядрышком.

«Я единственный и неповторимый», — решил я и оглянулся. Рядом со мной стоял точно такой же гусенок. Мой двойник!

«Мы единственные!» — подумал я и обратился к двойнику:

— Здравствуй, братец!

Вместо ответа братец подозрительно посмотрел на мой закрашенный бок и отвернулся.

В это время подошел Кузьма Кузьмич. Он выпустил из нас воздух, разложил по коробкам, взял их под мышку и, бормоча что-то себе под нос, вышел из мастерской.

МЕНЯ НАЗВАЛИ ЗАПЛАТКИНЫМ

Комната, в которую нас с братцем принес Кузьма Кузьмич, была небольшая, вся в полках, уставленных всевозможными игрушками.

За длинным столом, тоже заваленным игрушками, сидела симпатичная девушка в синем халате. Она взяла из рук Кузьмича моего братца гусенка, внимательно осмотрела, надула его с помощью какой-то машины, потом выпустила воздух. И так несколько раз.

— Замечательный гусенок, Лапчатый! — сказала она Кузьмичу. Взяв печать, она оттиснула на лапке братца «1-й сорт». — Так и назовем, Лапчатый.

Кузьмич улыбнулся, распустил усы. Лапчатый от важности задрал нос, а девушка принялась за меня.

Первым делом она обратила внимание на мой неровный бок и принялась придирчиво его рассматривать.

— Брак! — сказала девушка строго. — Придется переклеивать левую половину.

— Как это брак? — сказал Кузьма Кузьмич. — Никакого брака нет!

— Брак! — повторила девушка.

Тогда Кузьма Кузьмич начал доказывать, что я вовсе не брак, а девушка утверждала, что я самый настоящий брак.

Потом Кузьмич сказал, что я вообще, конечно, не очень качественный: в худшем случае третий сорт, а в лучшем — второй, но что я очень нужен в процентном отношении.

Так как я еще не понимал, что такое «брак», «третий сорт» и «процентное отношение», то не обращал на спор никакого внимания.

«Как назовут, так и ладно», — подумал я.

Кончилось дело тем, что мне все-таки поставили на лапу штемпель: «3-й сорт».

— Заплаткин! — сказала девушка и покачала головой.

Кузьмич что-то буркнул и, не прощавшись, вышел из комнаты.

В МАГАЗИНЕ

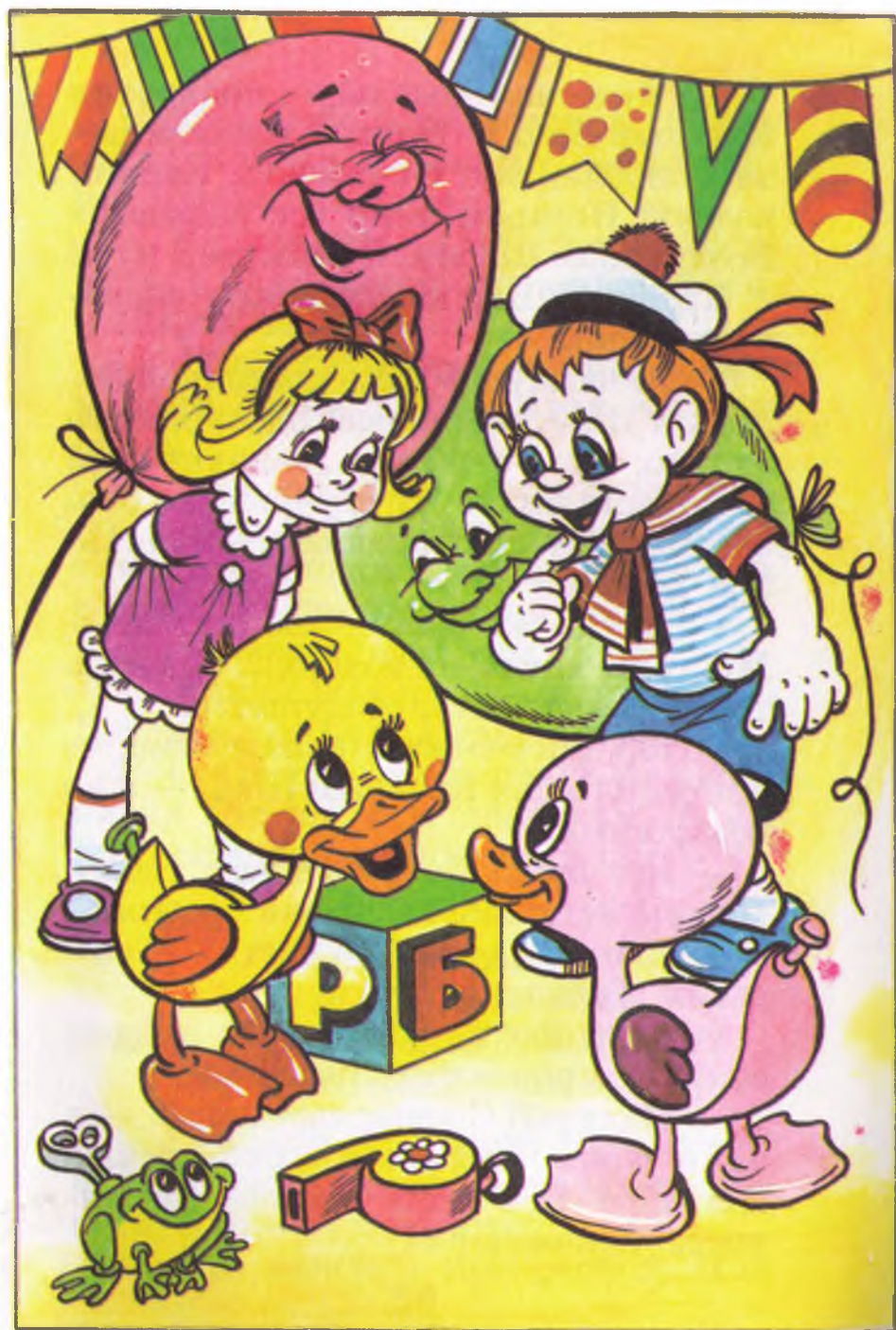
Не могу вам в точности рассказать, каким образом я очутился в магазине, потому что после осмотра нас с братцем снова разложили по коробкам и запаковали. Когда открыли крышку, мы уже были в магазине. Привязав к лапе ярлычки с ценой, нас с Лапчатым поместили на полку. Продавцы навели порядок и ушли, повесив на дверях магазина табличку: «Закрыто на обед».

«Обеденный перерыв... Гм... Гм... — подумал я, посматривая на свой бок. — Как бы со мной опять не случилось какого-нибудь несчастья».

Хотя после дороги мне очень хотелось спать, я все же осмотрелся. Справа стояли игрушечные Мальчик и Девочка, слева покачивались два Воздушных Шара, насвистывая какую-то веселую песенку.

— Друзья, — сказал игрушечный Мальчик, — я предлагаю воспользоваться обеденным перерывом и погулять немного по городу.

— Чудесная мысль! — подхватил Красный Шар. — Больше всего на свете я люблю, так с-с-сказать, свежий воздух! Недаром меня все называют Воздушным Шаром. С-с-скорее в путь!

Красный Шар надул щеки и засвистел марш.

— На воздух! Ура! — закричал Зеленый Шар. — Скорее! Здесь просто можно, так с-с-сказать, задохнуться!

Больше никто из игрушек не отзывался. Все спали после утомительной дороги.

— А как же мы? — шепнул я. — Мы тоже хотим на воздух... Мы ведь тоже, так сказать, воздушные...

— Вы, так с-с-сказать, надувные, — поправил меня Красный Шар, — а не воздушные.

— Все равно. Возьмите нас с собой. Пожалуйста! Мы вас очень просим!

— Еще на руках вас нести, — возразил Мальчик.

— А вы нас надуйте, и мы пойдем сами, — прошептал Лапчатый.

— Надуты?! С удовольствием!!! — в один голос засвистели Воздушные Шары. — Эта наша прямая обязанность! Сейчас-с-с-с!

Набрав побольше воздуха, Шары раздули щеки и, схватив нас за лапки, принялись за дело.

— Колпачки!.. — Не успел я пискнуть, как раздался страшный треск, и Шаров не стало.

— Что случилось? — спросила с ужасом Девочка, открывая голубые глаза.

— Они забыли отвинтить колпачки, — пояснил Лапчатый. — Перед тем как нас надуть, полагается снять с лапок колпачки, а они не сняли... и, так сказать, лопнули.

— Какая жалость! — прошептала Девочка, закрывая голубые глаза.

После этого игрушечный Мальчик надул нас по всем правилам, и мы все вчетвером двинулись в путь.

*Я УБЕЖДАЮСЬ,
ЧТО МЕЖДУ МНОЙ
И ЛАПЧАТЫМ СУЩЕСТВУЕТ
БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА*

Мы вышли на улицу. Был чудесный солнечный день. Всем захотелось петь, плясать, прыгать.

Жизнь казалась прекрасной. Мой

брат Лапчатый шел впереди всех, подсакивая, словно мяч. За ним стал подпрыгивать я, а за мной Мальчик и Девочка. Каждый старался подпрыгнуть выше другого. Нам с братцем, конечно, это удавалось лучше. Вполне понятно, ведь мы же были резиновые.

— А ну, кто выше? — кричал я, взлетая к небу.

— Осторожней! — предупредил меня мой брат. — Ты, кажется, забыл, что ты Заплаткин.

— Подумаешь! — звенел я, взлетая выше Лапчатого.

Я ловко перевернулся в воздухе, но, немного не рассчитав, упал на асфальт, прямо на левый бок.

Мне показалось, что внутри у меня что-то лопнуло. Из глаз посыпались разноцветные звездочки. Встав на ноги, я бросился догонять приятелей. Что такое? С каждым шагом бежать становилось все труднее и труднее. Бока мои впали. Я худел на глазах и вообще чувствовал себя прескверно. В обеденный перерыв со мной всегда случаются неприятности. Какое невезение!

— Что с тобой? — спросила Девочка, когда я с ней поравнялся.

— Я задыхаюсь, то есть выдыхаюсь... .

— На тебе просто лица нет, Заплаткин!

Я взглянул на свое отражение в первой попавшейся лужице и чуть не упал.

— Идите сюда! С Заплаткиным плохо! Меня окружили друзья.

— Я говорил, что тебе не надо прыгать, — проворчал Лапчатый. — Ты же непрочный! Ты брак. Тебе прыжки запрещены, понятно?..

— Нет, я не брак, я Заплаткин, — прошептал я слабым голосом, поднимая в доказательство лапку с печаткой.

— Что с ним теперь делать?

— Надо его поддуть.

Я снова стал кругленьким, но, увы, ненадолго. Не прошли мы и полквартала, как я похудел больше прежнего. Очевидно, я прохудился окончательно. Я остановился и прислушался. Было слышно, как из меня, противно попискивая, выходил воздух. Хорошо, что Лапчатый догадался остановить проезжавшего велосипеди-

ста и попросил его починить меня. Велосипедист нашел дырочку, которая пропускала воздух, и наклеил на нее заплатку. Меня починили, и мы зашагали снова.

ПРОГУЛКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Я ковылял позади всех. Скажу честно, меня уже не радовали ни солнце, ни лужи, ни сама прогулка.

Я плелся за своими друзьями и думал только об одном: почему мне суждено было родиться на свет Заплаткиным? Какая несправедливость! Конечно, если бы Кузьмич не забыл выключить во время обеденного перерыва прибор, который так безжалостно испортил мой левый бок, все было бы по-другому.

Самое ужасное, что меня вдруг, ни с того ни с сего, стало раздувать с одной стороны.

— Знаешь что? — посоветовал Лапчатый. — Ты лучше перейди в тень. Тебе, наверное, нельзя находиться на солнце.

Я послушался Лапчатого, но было уже поздно: та сторона, на которой

была наклеена заплатка, вся перекосилась, и я стал прихрамывать на левую ногу.

Теперь я боялся смотреться в лужицы, так плохо я выглядел! Мы приближались к маленькому скверу и были уже на середине улицы, когда из-за угла выскочила, рыча, грузовая машина.

Мой братец, шагавший впереди всех, зазевался и угодил под переднее колесо. Машина переехала Лапчатого и помчалась дальше. Каково же было мое удивление, когда Лапчатый как ни в чем не бывало вскочил на лапки, отряхнулся и пошел дальше.

Вот это да!

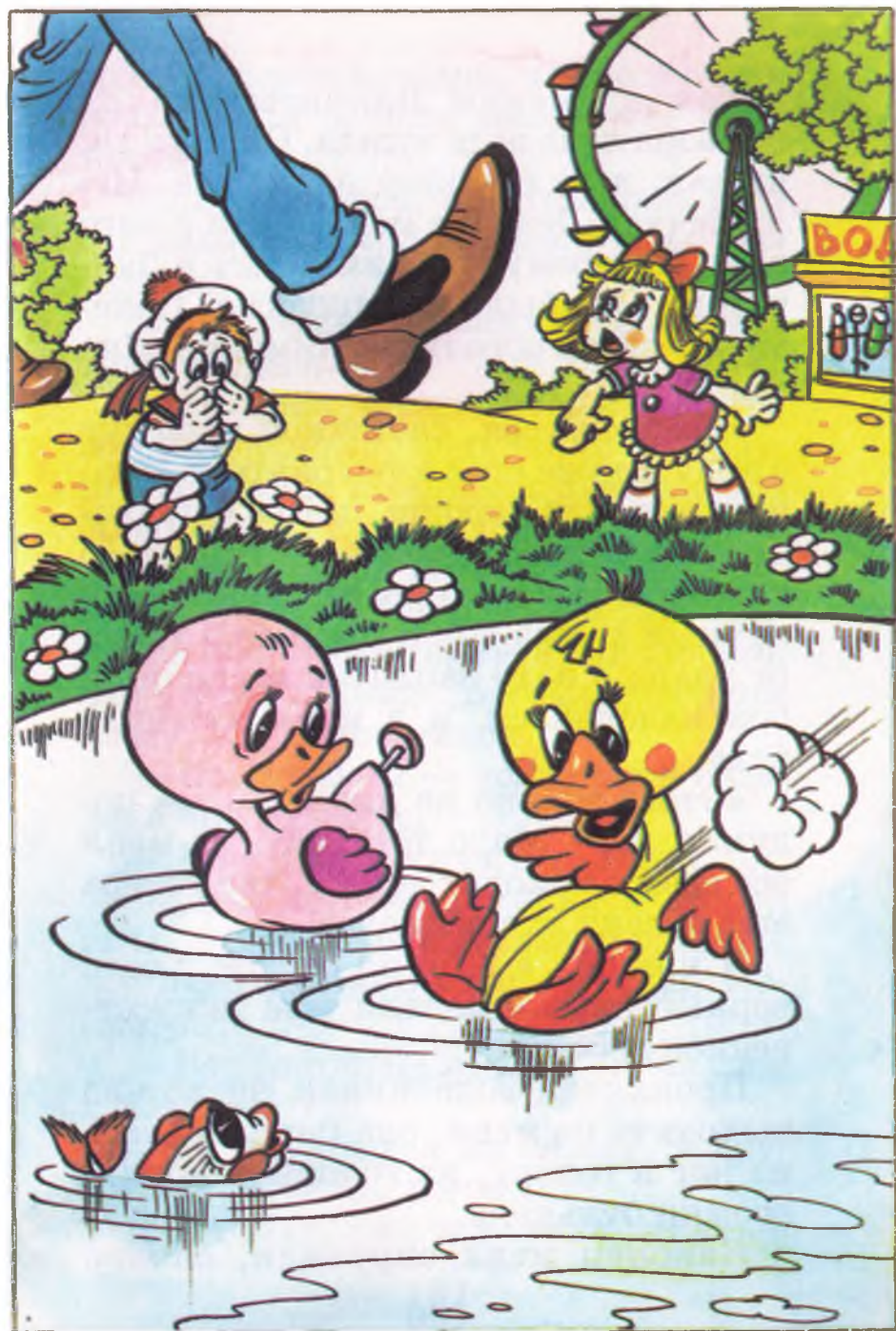
Теперь я окончательно убедился, что между мной и Лапчатым существует огромная разница. Если бы под машину попал я, мне бы несдобровать.

Я КУПАЮСЬ

Когда мы подошли к маленькому пруду в сквере, Лапчатый тут же бултыхнулся в воду.

«Интересно, можно мне купаться или нет?» — подумал я, в нерешительности останавливаясь на берегу.

Тем временем Лапчатый начал вытворять на воде чудеса. Он прыгал, нырял, делал стойку на голове. Игрушечная Девочка не сводила с него глаз. По-моему, она влюбилась в Лапчатого. Это было невыносимо. Почему бы ей не обратить внимание и на меня?

Я разбежался, ласточкой прыгнул в воду и тоже стал кувыркаться. Сначала все шло хорошо, потом я почувствовал в ногах какую-то странную тяжесть. Я взглянул на свой злополучный левый бок и пришел в ужас: от удара о воду заплатка отскочила, бок надорвался, и в меня хлынула вода.

«Этого только не хватало... — подумал я. — Мало того, что из меня все время выходит воздух, так теперь еще в меня входит вода».

Я пришел в себя на берегу, когда верные друзья делали мне искусственное дыхание.

Проклятая вода никак не хотела выходить из меня, она переливалась из ног в голову, из головы в ноги и громко булькала.

Наконец меня скрутили, словно

тряпку, с такой силой, что во все стороны так и забили маленькие фонтанчики.

Вода вылилась, но стряслась другая беда: отвалился левый глаз, и я окривел.

Видно, выкручивания были мне тоже вредны.

Когда меня, несчастного и одноглазого, высушили, подклеили и поддули, вся наша компания двинулась в обратный путь.

Продираясь сквозь кусты, я, в довершение всех бед и несчастий, ударился обо что-то головой так сильно, что у меня потемнело в единственном глазу, и я остановился.

— Что с тобой? — услышал я издалека чей-то голос.

— Не знаю, я ничего не вижу.

— Да у него же потерялся второй глаз, — раздался над самым ухом голос Девочки. — Он совсем ослеп! Посмотрите...

— Вот растяпа! Где ты потерял свои глаза?

— Один остался на берегу, а другой где-то здесь, в траве...

Я слышал, как все стали искать в

траве мой глаз и ругать меня на все голоса.

— Разве теперь его найдешь! — сказал игрушечный Мальчик.

— Что же делать? — спросил Лапчатый.

— А я знаю, что нужно сделать! — услышал я голос игрушечной Девочки. — Надо глаза хорошенько протереть, и они снова появятся. Ну-ка...

Я стал тереть те места, где когда-то были мои прекрасные глаза.

— Теперь открой глаза, милый Гусик!

Я открыл... и увидел себя на руках совсем не игрушечной, а настоящей девочки.

Как я обрадовался!

Значит, мне все, все только приснилось. Я так крепко спал, что даже не заметил, как нас с Лапчатым купили. Его купил мальчик, а меня девочка. Воздушные Шары тоже были живы и здоровы. Они приветливо кланялись мне и, как всегда, тихо насвистывали веселую песенку.

— Прощай! — крикнул мне Лапчатый. — Будь осторожен! Когда будешь играть с девочкой, помни, что

ты Гусенок Заплаткин... Береги себя и не забывай, что тебе многое запрещено. Прощай, Заплаткин!

— До свидания! — крикнули Воздушные Шары. — Так с-с-сказать, будь здоров!

— Прощайте! — Я помахал лапой и еще раз крикнул: — Прощайте, друзья!

— Счас-с-стливого пути! — крикнули вдогонку мне Воздушные Шары.

— Счастливо оставаться! — ответил я.

Девочка понесла меня на руках по магазину, а я смотрел по сторонам и думал о том, что ждет меня впереди.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приключения солнечных зайчиков . . . . .</i>	<i>5</i>
<i>Гусенок Заплаткин . . . . .</i>	<i>81</i>

Для младшего школьного возраста
МЕДВЕДЕВ Валерий Владимирович
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЛНЕЧНЫХ ЗАЙЧИКОВ
ГУСЕНОК ЗАПЛАТКИН

Художник *А. Шахмелдян*
Художественно-технический редактор *Н. Ганина*
Компьютерная верстка *Ю. Беспрозованный*
Корректор *Е. Родишевская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.10.97. Формат 60х90 1/16.
Усл. печ. л. 6,5. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз. Заказ № 6925.
Издательство «Стрекоза», 125047, Москва, ул. Чапаева, 20
(ЛР № 084971 от 3.02.97).
Смоленский полиграфический комбинат Государственного комитета Российской Федерации по печати. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Телефон для реализации: (095) 268-25-44, (0872) 41-06-37

13 05

В солнечный день этими зайчатами бывает
обычно весь город полон. Целыми стаями
носятся они по улицам, плещутся в лужах,
прыгают по деревьям с листа на листок,
кувыркаются друг через дружку.

